КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
СЕКЦИЯ ТЕХНИКИ
И ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

И. Н. ШПИЛЬРЕЙН

Психотехника в реконструктивный период

Стенограмма доклада в Коммунистической Академии 2 декабря 1929 г. и прений по докладу—с предисловием И. М. БУРДЯНСКОГО

1930

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современных условиях социалистического строительства в СССР, когда у нас налицо не призрак коммунизма, а подлинные кирпичи реально строящегося здания коммунизма, проблема человека во всех ее сторонах приобретает особенно важное значение.

Коммунизм предполагает, наряду с мощным развитием коллективизма, наиболее полное одновременно использование каждого отдельного члена общества.

Вполне понятно поэтому, что и проблемы психологии приобретают в современных условиях весьма большое значение—это относится ко всем ветвям психологических знаний, в том числе и к психотехнике.

Нельзя сказать, чтобы термин «психотехника» был удачен и фактически и методологически оправдан; необходимо однако констатировать, что практическое значение психотехнических методов все увеличивается как на Западе, так и у нас в СССР.

Пути психотехники конечно различны в условиях капиталистического мира и строящего социализм СССР.

Расширяющаяся применением капиталистическая рационализация использует и психотехнику в целях и выгодах капитализма: психотехнические работы идут на Западе в основном по руслу профотбора, т. е. отбора для предприятий наилучших кандидатов на работу из числа наличной рабочей силы. Судьба остальной рабочей массы, не попавшей в ранговые списки лучших, не интересует психотехническую практику капиталистических стран.

Если в отдельных случаях те или иные предприятия Запада используют психотехнические методы и для улучшения условий

работы персонала, то это обычно делается лишь в тех случаях, где особая тщательность работы необходима исключительно в интересах производства; иногда психотехнические лаборатории при капиталистических предприятиях играют чисто декоративную роль, как доказательство просвещенности, гуманности, культурности отдельного предпринимателя.

Не приходится доказывать, что принципиально иное место в производственном процессе, какое у нас занимает рабочий, являющийся не только носителем рабочей силы, но и организатором производства, ставит проблему человека, и психотехники в частности, у нас в СССР на принципиально иные пути.

Психотехника и психофизиология труда у нас—не для декорации, а для реального улучшения и облегчения условий труда в производстве.

Психотехника у нас—не только для отбора лучших в производственных интересах отдельного предприятия и для содействия делу построения социалистического общества в целом, но и для реальной помощи каждому работнику в деле наиболее полного использования его способностей для социалистического строительства.

Отметим попутно, что условия переходного периода, наличие обостренной классовой борьбы ограничивают последнее положение, так как очевидно, что некоторые категории населения, представители отмирающих классов, отстраняются от выполнения ряда функций и работ посредством государственных и общественных мероприятий, не нуждающихся в предварительной консультации при помощи тонких психотехнических методов.

Необходимость втянуть в дело управления советским государством сотни тысяч и миллионы трудящихся, необходимость дать всем этим массам наиболее полные возможности наиболее полного же выявления подавлявшихся капитализмом и дремавших до сих пор их способностей строить с в о е, пролетарское государство ставят перед советской психотехникой задачу помочь психологическими методами наиболее эффективно организовать эти массы.

Здесь задачи и подготовки кадров, и организации их поведения, и профориентации в отношении подрастающих поколений.

Перед психотехникой в СССР стоят большие ответственные задачи, и возможность их выполнения зависит в основном от того, какие методологические установки будут положены в основу психотехнических работ.

Доклад т. Шпильрейна «Психотехника в период реконструкции» ценен тем, что он четко, по-новому ставит вопрос о задачах советской психотехники в соответствии с требованиями социалистического строительства; доклад этот намечает совершенно правильно необходимость отправных разработок по линии дифференциальной психологии, понимаемой как классовая психология.

Доклад т. Шпильрейна, как подтвердили и все прения по нему, с ясностью показывает необходимость срочно заняться разработкой этой дифференциальной психологии, на базе диалектического материализма.

Нельзя не отметить, что доклад этот несколько запоздал, что наши психотехники в СССР слишком много времени потратили на освоение опыта капиталистической психотехники. Извиняющим обстоятельством для наших психотехников должно явиться то, что им пришлось затрачивать довольно большое количество энергии для признания за психотехникой права на существование: этому последнему мешали косность одних, непонимание других, упрощенские, унтерофицерского характера взгляды третьих, пытавшихся доказывать, что каждого человека можно выдрессировать для каждой работы, как Дуров дрессирует своих зайцев.

Во всяком случае первый доклад сделан; как первый, он конечно не может претендовать на исчерпывающее и полное решение поставленного вопроса. Вместе с прениями доклад этот однако является ясной вехой на путях марксистской психотехники. Необходима дальнейшая коллективная разработка основ дифференциальной марксистской психологии и методов ее применения к хозяйственной деятельности.

Эти разработки должны вестись темпами, соответствующими темпам выполнения пятилетки; необходимо догнать то, что

было упущено в прошлые годы. Тематика психотехнических разработок должна быть также четко подчинена задачам реконструктивного периода и настоящей пятилетки в частности; проблема психотехнических кадров должна быть также поставлена сейчас во всю ширь и соответственно разрешена.

Если нам удастся мобилизовать наличные кадры марксистов-психотехников вокруг поставленных задач, если удастся к вырешению последних привлечь внимание нашей общественности, то можно будет с уверенностью уже сейчас утверждать, что к концу первой пятилетки мы на психотехническом фронте реально перегоним капиталистический мир.

И. Бурдянский

28 марта 1930 г.

ПСИХОТЕХНИКА В РЕКОНСТРУКТИВНЫЙ ПЕРИОД

(Тезисы доклада И. Н. Шпильрейна)

1. В истории нашей рационализации можно различать три периода, каждый из которых характеризуется своеобразным положением вопроса об использовании человеческого труда в промышленности.

Первый период — 1920/1922 гг. — характеризуется ориентировкой на рационализацию человеческого труда. Основным вопросом тогда была количественная производительность труда. Под знаком этого вопроса на первой конференции по НОТ и проходила полемика между тейлористами и антитейлористами. В условиях ничтожной продуктивности труда эта полемика с неизбежностью носила более академический характер. Спор шел о продуктивности, методах стимуляции труда в нормальных условиях. Действительные же материальные ресурсы для стимуляции были ничтожны. В условиях такой полемики, не связанной с конкретными формами труда и его вознаграждения в период военного коммунизма, понятно некритическое отношение широких кругов нашей общественности к одинаково немарксистским в своей кажущейся противоположности теориям Гастева и Ерманского.

Второй период рационализации соответствует восстановительному периоду нашей промышленности во время нэпа. Некоторый под'ем производительности и трудовой дисциплины привел к количественному росту затрачиваемого в производстве труда. В новых политических условиях этот количественный рост с необходимостью требовал новых организационно-технических форм. Борьба на второй конференции по НОТ в 1924 г. между «группой 17 коммунистов» (Керженцев, Стопани, Радус-Зенькович, Бурдянский, Рудаков, Торбек, Шпильрейн и др.), настаивавших на механизации, нормализации, стандартизации против примата индивидуальных добродетелей репортажа, тренажа, фиксажа, воспевавшихся Гастевым, была по существу борьбой за организационно-

технические предпосылки рационализации. Неудачное определение рационализации как «внедрения сумм улучшений», принятое на второй конференции, было попыткой сгладить основное противоречие между обеими боровшимися точками зрения. Но попытка эта не могла уничтожить движущих причин развития нашей рационализации на этих первых шагах по пути от идеалистической надежды строить производство психологическими и грубоденежными методами стимуляции к материалистическому принципу организации труда через организацию среды, в которой этот труд протекает. Это был путь от Тейлора к Форду. Несмотря на противодействие идеологов реакционных методов рационализации («белоручки, барчуки, болтают о машине», писал Гастев), механизация, как один из основных принципов рационализации, победила. Идя дальше по пути от Форда к Марксу[1], мы с неизбежностью пришли и к пониманию рационализации как одного из основных методов строительства социализма. Это толкование с тою же неизбежностью привело и к победе принципа плановости. Однако принцип плановости только тогда мог достичь полного развития, когда восстановительный период сменился реконструктивным.

Этот третий период нашей рационализации—период социалистической реконструкции, завершая триаду развития, вновь выдвинул на почетное место проблему труда. Однако в условиях быстро развивающейся машинной техники и изменения всех производственных навыков проблема эта является уже не в том элементарном виде, в каком она проявлялась во время первых шагов нашей рационализаторской мысли в 1920—1921 гг. Теперь эта проблема впервые приобретает специфический для социалистического строительства характер, с необходимостью вытекающий из экономики и идеологии реконструктивного периода.

2. Сказанным определяются и формы психотехнической работы в эти три периода.

В период до нэпа отсутствовали организационные предпосылки для применения методов психотехники. Поэтому о психотехнике говорили лишь как об академических возможностях, и самая научная работа по психотехнике носила в это время только характер предварительных исследований.

[1]) Это выражение означает лишь последовательность организационного технического овладения рационализацией в СССР. Понятно, что уже первая наша (Бюро московских коммунистов—работников НОТ) платформа по НОТ, напечатанная в „Правде" № 6 за 1923 год, исходила из марксистской критики Тейлора, Форда, Богданова, Ерманского, Гастева и других теоретиков рационализации.

Практическая работа по психотехнике началась с развитием нэпа. Эта работа пошла в смысле политических целей и организационных форм специфически советскими путями. Но у нас до сих пор не было сколько-нибудь обоснованных попыток построения марксистской методологии психотехнической работы. Правда, по мере того, как росли социалистические элементы нашего хозяйства, явственно намечались сдвиги в тематике и технике психотехнической работы: к таким сдвигам относится постепенный рост значения педагогической работы по сравнению с профподбором, аналитические исследования в области тестов, теоретические и практические работы по изучению изменчивости. Однако новые задачи, бурно выдвинувшиеся в период реконструкции, заставляют глубже подойти к психотехнике в советских условиях и попытаться марксистски осмыслить методы психотехники не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня. Для этого нужно исходить из анализа положения труда в эпоху реконструкции.

3. В первый раз в истории, в нашем социалистическом строительстве диалектически об'единяется в одном лице пролетарий—трудящийся и пролетарий—носитель государственной власти и организатор производства. Отсюда—гораздо большие количественные возможности в использовании человеческого труда, гораздо лучшее качественное овладение им. Старое эмпирическое правило, что свободный труд производительнее рабского, получает преображенное отражение в условиях СССР. Это правило здесь приобрело двоякое значение—забота пролетариата о наибольшем результате вкладываемого в производство труда естественно оформляется в стремлении к наибольшей квалификации труда и наиболее целесообразному его использованию. Отсюда—процесс взаимного проникновения растущей технической и экономической грамотности и развивающегося хозяйского сознательного отношения к коллективной собственности. Отсюда—все растущее сознание диалектического об'единения технического прогресса с находящимися в кажущемся к нему противоречии мероприятиями по охране труда, отсюда, наконец, путь к действительно рабочей евгенике, которая имеет в виду в равной мере самосохранение рабочего класса и увеличение производительности его труда.

4. Во всех этих направлениях мы ушли еще не очень далеко. Наряду с высокими примерами производственного самоотвержения и высокой сознательности отдельных рабочих групп (добровольное снижение расценок, социалистические соревнования,

субботники) мы имеем и случаи бессознательного и даже сознательного вредительства, особенно среди новых слоев рабочих. Бессознательное вредительство, вытекающее из малой технической или политической грамотности, встречается даже среди сознательно преданных революции и своему классу кадровых рабочих. Совершенно ясно, что всякое отставание технической или идеологической подготовленности трудящихся от темпа реконструкции народного хозяйства означает возможность срыва этого темпа, означает узкое место социалистического строительства.

5. Сказанным определяются возможные цели психотехнических работ. В нашем государстве, более чем где бы то ни было, основной нашей целью является идеологическая и техническая подготовка кадров. Как в том, так и в другом случае агитационная работа в рассчитанном на долгие сроки реконструктивном периоде уступает первое место пропагандистской, докладная — преподавательской. В этой проблеме подготовки вопросы подбора играют лишь подчиненную роль. Профподбор в государственной системе, подобной нашей, означает лишь правильное распределение наличных кадров для их рационального обучения и использования. Отсюда—большие задачи психотехники по изучению законов упражнения и обучаемости, в частности—учет громадного пропагандистского опыта нашей партии и методическое овладение им; вопросы социально-классовых и биологических (национальных, половых, возрастных) различий должны дать основание марксистской дифференциальной психологии.

6. В вопросах рационального использования рабочей силы участие психотехники предполагает подбор и обучение рабочих для особо напряженных, ответственных или предполагающих реже встречающиеся качества профессий, борьба с травматизмом, установление предельной количественно и качественно допустимой нагрузки (ритм, темп, рабочие часы и перерывы), отчасти также установление наиболее гигиенических условий труда и отдыха (например — освещение, вентиляция, жилище, физкультура). Новые формы «машины социалистического времени» (П. Рудаков), как непрерывный поток, и новые методы работы требуют выявления и создания новых психологических свойств рабочего, безразличных в прежних условиях труда и приобретающих преимущественное значение в современных условиях.

Для удовлетворения этих требований психотехник должен, помимо расширения профессиографических работ, изучать вы-

явления колебания производительности, связанные с вопросами утомления, ловкости, умелости, и механизмы, обусловливающие эти явления.

7. «Социальный заказ», который психотехника в условиях социалистического строительства периода реконструкции дает психологии, заключается в том, что главное значение приобретает исследовательская работа дифференциального порядка. Главная ошибка, которую делают наши психологи, в частности Психологический институт, заключается в том, что дифференциальные по существу проблемы разрешаются «общепсихологическими» методами. Необходимо внести в психологические исследования методы классового анализа, динамический подход к отысканию диалектических противоположностей даже там, где обследуют, казалось бы, классово-однородные группы и где социальная значимость самых явлений, обследуемых психологами (суд, кино, язык), не подлежит сомнению. Социально-психологические исследования, в частности исследования быстро развивающихся явлений идеологического порядка, должны быть поставлены по важности на первое место. Проблема тестов в психологии должна быть проверена не только с точки зрения количественного совпадения, а также с точки зрения механизмов приспособляемости к тестовому испытанию и т. д.

Наконец необходимо изменить психологическую тематику и в том смысле, что темпы, неактуальные для приложения их данных к социалистическому строительству реконструктивного периода, должны быть отнесены к второстепенным. Далее необходимо отвести заслуженно подчиненное место в теории психологии вопросу о выборе технических методов, которые зависяг исключительно от соответствующих задач исследования. Сюда относятся например вопросы интро или экстраспекции и т. п. Этих вопросов множество. Они казались психологам классической школы основными методологическими проблемами. Они для марксиста только технические проблемы, незаслуженно по традиции выдвигаемые и сейчас некоторыми авторами на принципиальную высоту.

Методологические задачи психотехники, вытекающие из практических, упомянутых в 5 и 6 тезисах, таковы: в основной до сих пор метод психотехнического обследования—тест—необходимо внести классовые коррективы. Элементы успешности в тестовом испытании—свойство и подготовка—эти об'единенные статическим выражением результата противоположности, приобретают классовый смысл, и не случайно эта двойственность совершенно

игнорируется практикой и почти совершенно игнорируется теорией буржуазной психотехники. Классовая политика требует тщательного анализа и полного переконструирования тестов, применяемых для учета способностей.

Но и самое понятие способности должно быть понято диалектически. Необходимо понять зависимость способностей, как биологического содержания, от социально-классового их оформления. И здесь особое значение приобретает понятие компенсации и перекомпенсации, разрушающее представление о статической неподвижности или иерархии способностей. Перекомпенсация, т. е. скачок, изменяющий структуру личности и обусловленный несоответствием между биологическими данными и социальными требованиями, недооценивается психотехниками там, где их задача—только отобрать людей, а не приспособить наличный контингент к задачам, возникающим в связи с реконструкцией, как это должны сделать мы.

Психотехника нашего реконструктивного периода не может пройти мимо массовых идеологических сдвигов, вызванных революцией. Марксистский анализ этих сдвигов—один из важнейших путей для вооружения психотехники (и психологии) пониманием механизма воздействия классового бытия на формирование идеологии, а затем и для организации политвоспитательной работы. В области психотехники воздействия мы до сих пор чересчур пользовались только взятыми из зарубежной практики техническими методами анализа индивидуального воздействия эффекта (избирательные тесты и т. п.), недоучитывая тот социологический охват, который необходим, когда мы от идеологии (психологии) индивида переходим к психологии (идеологии) коллектива. Понятно большое влияние, которое такая социальная психотехника должна будет оказывать на другие науки, изучающие сложные явления идеологической надстройки—филологию, эстетику, военную психологию и т. д.

9. Сложные проблемы утомления и упражнения, парадоксальные факты подавления утомления без вреда для организма интересом или энтузиазмом, или психогенного утомления, могут быть поняты только тогда, когда мы откажемся здесь от чисто механистических определений, приведших уже в тупик крупнейших исследователей этого комплекса вопросов, и попытаемся изучить рабочего, его производительность, утомляемость и т. д. не только орудиями врача или статистика, но учитывать и классово-социальную личность рабочего в его индивидуальном и классово-бытовом становлении и окружении. По этому пути мы придем

сперва к величайшему раздроблению и индивидуализации. Однако это—необходимая промежуточная стадия. Элементы наших знаний об утомлении и упражнении чересчур противоречивы вследствие многочисленных методических и методологических ошибок. Надо вначале решительно отказаться от классификации по неправильным принципам, чтобы быть в состоянии овладеть уже известными фактами, исходя из новой, правильной, научной классификации. Ясно, что это изменение методологии не может остаться без влияния на смежные исследования, например на исследования утомления и упражнения у животных, которые также проводятся сейчас грубо механистически, игнорируя изменения социально-культурного характера в жизни подопытных животных.

10. Все эти требования должны привести к значительному сдвигу в нашей психотехнике, решительно отмежевать ее от традиционных методов работы. Пока это еще не система марксистской психотехники. Система может вырасти лишь по мере оформления содержания. Однако уже в этой попытке внесения идей диалектического материализма в психотехническую теорию и практику явственно видно, как эти идеи, взаимно дополняя друг друга, подготовляют систему.

ПСИХОТЕХНИКА В РЕКОНСТРУКТИВНЫЙ ПЕРИОД

Доклад И. Н. Шпильрейна
2 декабря 1929 г.

I

Среди группы «психологических» наук психотехника занимает особое положение, заключающееся в том, что эта наука больше, чем какая-либо другая психологическая дисциплина, связана с науками техническими и социальными. Поэтому больше, чем на какой бы то ни было области психологических наук, на психотехнике отражается всякое изменение хозяйственной структуры страны, всякое изменение политического или социального характера. По этой же причине те изменения, которые вносит с собой в нашу социальную и нашу научную жизнь период реконструкции, больше всего и прежде всего отражаются на психотехнической области психологии. Поэтому и настоящий доклад поставлен от имени двух научных учреждений Комакадемии: от имени п/секции техники, потому что психотехника связана прежде всего с техникой, с группой наук рационализаторских, и от имени Института философии, потому что психотехника не нейтральна ни в идеологическом, ни в политическом отношении, потому что изменения, происходящие в психотехнике, прежде всего отражаются на ее идеологической структуре.

Мы различаем три периода в истории нашей рационализации, три периода, во время которых положение труда среди рационализаторских дисциплин очень значительно менялось. Действительно, мы говорим, что наша рационализаторская работа идет в основном по трем линиям: рационализация труда, рационализация техническая, рационализация экономическая. Нас сегодня интересуют вопросы труда в рационализации.

Первый период, когда у нас зашли разговоры о рационализации, которая тогда называлась научной организацией труда, или НОТ, этот первый период можно расценивать приблизительно от I конференции по научной организации труда

грани 1920 и 1921 гг. и почти до II конференции в 1924 г. Этот период отличается тем, что в нем вопросы труда занимали центральное место среди вопросов рационализации. Больше всего и прежде всего говорилось о том, каким образом стимулировать производительность труда, каким образом поднять ее до нормы, ликвидировать то катастрофическое падение производительности, которое наблюдалось у нас в 1920—1921 гг. Под знаком этой постановки вопроса происходила I конференция по НОТ. На ней, как многие из присутствующих товарищей помнят, столкнулись два основных течения: течение тейлористов и антитейлористов. Тейлористы полагали, что поднять производительность труда возможно, апеллируя к материальной заинтересованности рабочего, апеллируя к конкуренции между рабочими, одним словом, применяя те методы, которые были разработаны и изложены Тейлором. С другой стороны, как антипод этого течения, выступали антитейлористы, выступало течение, возглавляемое О. А. Ерманским. Ерманский выступал против чрезмерной интенсификации труда, против чрезмерной нагрузки рабочего и апеллировал к тому, чтобы у нас при интенсификации труда считались с оптимумом, т. е. с таким пределом интенсивности труда, при котором рабочий будет производить максимальное количество ценностей и при этом в наименьшей степени утомляться. Ерманский утверждал, что достигнутый уже сейчас уровень знаний позволяет нам установить такой оптимум и при помощи этого оптимума бороться с чрезмерной интенсивностью труда, которой требуют тейлористы.

Как то, так и другое течение, как течение Ерманского, так и течение тейлористов и Тейлора в его чистом виде в одинаковой степени апеллировали к поднятию производительности труда индивидуального рабочего. Как то, так и другое течение ограничивались методами стимуляции, ничего общего не имеющими с марксистской организацией труда. Ни то, ни другое течение не учитывало особенностей советского строя, не учитывало особенностей социалистического производства. Как то, так и другое течение оставались индивидуалистическими в своей основе. Именно поэтому Ерманский и Гастев, Ерманский и тейлористы оставались по существу противоположностями, но противоположностями, которые именно потому и сталкивались резче всего, что они боролись в одной и той же плоскости. В то время, правда, начиналась уже критика немарксистской установки обоих этих течений со стороны отдельных товарищей — я здесь назову Рудакова — но она далеко не вызвала того внимания со стороны

нашей социалистической общественности, которое ей следовало бы уделить. Поэтому в этот период мы совершенно еще не сталкиваемся с теми задачами, которые интересуют специфически социалистическую рационализацию. В этом периоде не говорили еще о том, чем отличается специфически социалистическая рационализация от рационализации капиталистической. О психотехнике в этот период говорили только теоретически и только в сослагательном наклонении. На первой конференции по НОТ было два доклада, посвященных вопросам психотехники, профессионального подбора, а именно: доклады профессоров Челпанова и Эвергетова. Оба эти доклада сообщали только об иностранных достижениях, но сообщали об этом, как об интересном факте, а не как о событии или научной дисциплине, которые имеют какое-либо касательство к нашей производственной практике. И вся последовавшая за I с'ездом по НОТ практика рационализации, в период производственной пропаганды, в период дальнейшей борьбы за интенсификацию труда, по существу была периодом, когда вопросы труда, вопросы интенсификации труда, вопросы привлечения рабочих на фабрику стали в центре внимания. Но эти вопросы оставались академическими до тех пор, пока оплата труда рабочего была значительно меньше, чем его прожиточный минимум. И резким поворотным пунктом в этом отношении было только введение нэпа, который дал возможность поднять производительность труда и трудовую дисциплину до такой степени, что вопрос о катастрофическом падении производительности труда уже перестал быть наиболее больным вопросом нашей промышленности. Но как только увеличилась количественная производительность труда, как только выросло количество труда, отдаваемого рабочим на фабрике, как только на основе этого возросшего коэфициента полезности труда оказалось возможным строить рационализаторскую практику, так немедленно возникли уже вопросы о том, чем же отличается наша рационализация от рационализации капиталистической. И вокруг этих вопросов разгорелась борьба за специфические формы советской рационализации. Прежде всего пришлось тогда доказывать,—потому что это не всем было известно,—что наша рационализация не нейтральна ни в политическом, ни в экономическом отношении, что наша рационализация имеет специфическое советское лицо, что наша рационализация зависит от того специфического политического окружения, в котором находятся рабочие и работницы фабрики, что социалистическая рационализация немыслима, во-первых, без активного участия рабочих, во-вторых,

без того, чтобы изменить самую базу, на которой проходит рационалистическая деятельность; она немыслима без того, чтобы механизация, машинизация, изменение самой структуры и технической базы нашей фабрики получило бы основную роль в этой рационализаторской работе. Наконец рационализация в советских условиях немыслима без плана, без включения рационализации в общую систему плановых мероприятий, ведущих к построению социализма в нашей стране.

Кульминационным пунктом борьбы за политическое значение рационализации, за советское лицо нашей рационализации была вторая конференция по научной организации труда. Это было в 1924 г. Тут столкнулись две платформы, которые были разработаны к этой конференции. С одной стороны, это была наша платформа 17[1], с другой же стороны — платформа 4-х, возглавляемая Центральным институтом труда в лице А. К. Гастева и других[2]. В шутку говорили, что в этих двух платформах столкнулись «ации» и «ажи». В то время, как мы в своей платформе 17 настаивали на стандартизации, нормализации, механизации, как на основных принципах, по которым должна итти рационализаторская работа на предприятии, тезисы Центрального института говорили о репортаже, фиксаже, тренаже и прочих всяких вещах. Это не была только терминологическая разница, это была также глубокая принципиальная разница: разница между попыткой рационализировать труд, рационализируя его условия, между попыткой рационализировать и перестроить техническую и экономическую базу, на которой свершался труд, и попыткой строить рационализацию труда, улучшить труд исключительно путем индивидуального тренажа, исключительно путем воспитания перечисленных добродетелей у рабочего. В то время как платформа 17 настаивала на введении механизации, Центральный институт труда, который тогда был не только, как сейчас, школой для подготовки рабочих, но был идеологом и самым распространенным и самым влиятельным идеологом рационализации в стране, Центральный институт труда в это время выпустил такой

[1] „НОТ в СССР" (тезисы ко II Всесоюзной конференции по НОТ). „Правда" № 35 и № 36, 1924, „Труд" — те же номера — и „Гигиена труда", № 2/3, 1924. (Подписи — Керженцев, Радус-Зенькович, Стопани, Шпильрейн, Бурдянский, Горбек, Рудаков, Гроссман, Архангельский, Звездов, Шатуновский, Рубинштейн, Шехватов, Недачин, Соловьев, Смирнов-Троянский, Мохов).

[2] „Организация труда и управления" (тезисы докладов Гольцмана, Лаврентьева, Колесникова и Гастева ко Всероссийскому совещанию по НОТ). „Труд" № 28—29, 1924, и „Гигиена труда" № 2/3, 1924.

боевой календарь, где на каждую букву была какая-нибудь ударная фраза, защищавшая его точку зрения и высмеивавшая противоположную; например на букву б: «белоручки, барчуки, болтают о машине»[1]. В это же время Гастев писал, что наша страна обнищала, что у нас нет никакой возможности поднять производительность труда при помощи машины и что поэтому наш путь рационализации должен заключаться в том, чтобы мы научились ручным трудовым операциям и стали ловкими, физически выносливыми людьми и таким образом рационализировали свой труд[2]. На конференции 1924 г. имело место главным образом столкновение между этими двумя точками зрения. Конференция приняла половинчатое положение по вопросу о рационализации[3]. Она еще не признала рационализацию важным и одним из важнейших методов социалистического строительства. Она не учла того, что рационализация является политически не нейтральным течением, что она специфически связана с самой сущностью положения рабочего класса в стране, что рационализация в нашей стране не может ставить себе тех задач, не может итти теми методами, которыми идет и которые ставит перед собою рационализация капиталистическая. Конференция сказала только, что рационализация—это внедрение в производство лучших методов работы. Однако, после такого половинчатого положения, дальнейшие тезисы в резолюции конференции все же указывают, что основной, ударной задачей на ближайший период является усиление машинной техники, усиление индустриализации страны. Мы знаем, что в дальнейшем этот лозунг был развит и стал не только важнейшим лозунгом рационализации, но и важнейшим политическим лозунгом в нашей стране.

Так же, как с индустриализацией, обстояло дело и с планированием, об экономическом и политическом значении которого приходилось спорить, доказывая Гастеву и тем товарищам, которые

---

[1] Календарь ЦИТ на 1924 год.

[2] А в упомянутых только что тезисах „четверо“ писали: „Для заинтересования широких масс рабочих при современных условиях самым реальным средством может служить заработная плата... лишь этот способ может привлечь на нашу сторону громадные рабочие массы, сделать их приверженцами и активными проводниками научной организации труда... Применение массовых попыток поощрительного вознаграждения для индивидуальных рабочих, а также коллективных групп, в цехах, предприятиях должно стать задачей дня... чтобы выдающихся вознаграждать немедленно“. Явная недооценка действительных стимулов производительности, заключающихся в трудовом энтузиазме строящих социалистическую промышленность масс.

[3] „Резолюции II конференции по НОТ“, Москва 1924.

шли за ним, что план имеет такое значение. Так обстояло дело в 1924 г. Сейчас, когда планирование признано уже одним из важнейших методов строительства социализма в нашей стране,— дело меняется. Когда мы проводим социалистическую реконструкцию нашего хозяйства на основе плановой индустриализации, эти истины уже доказывать не приходится. Однако, и сейчас еще наша рационализация не оформлена достаточно в своих основных положениях.

Необходимо только указать еще на то, что во втором периоде рационализации, который совпал с первым периодом нэпа, главное внимание было обращено на машинную технику, на рационализацию экономическую и техническую. Вопросы организации непосредственно работы, вопросы организации труда, рабочей силы, как таковой, были отодвинуты на второй план.

Эти вопросы в тот период являлись второстепенными.

Совсем иначе обстоит дело в настоящее время, когда мы переходим к реконструкции, т. е. к созданию совершенно новых условий, в которых протекает труд, совершенно новых требований к труду. В настоящее время труд и его организация может стать узким местом, если рационализация не коснется этой области. Вот почему в настоящее время вновь выплывает эта проблема, но выплывает уже в преображенном виде с новыми требованиями и с новыми предпосылками.

Если мы назовем первое изменение принципов в нашей рационализации, т. е. путь от рационализации отдельного движения отдельного человека, от интенсификации труда, от заботы о рационализации труда отдельного человека к рационализации предприятия в целом, как организующей среды, которая организует человека, если мы назовем это путем от Тейлора к Форду, то сейчас, в нынешний период реконструкции, нам предстоит в нашей дальнейшей работе сделать второй шаг — от Форда к Марксу[1], т. е. не только организовать человека через организацию среды, но организовать эту среду по-марксистски и организовать человека по-марксистски.

II

Если мы попытаемся теперь рассмотреть, как в эти три периода нашей рационализации развивалась наша психотехническая работа, то мы должны будем сказать, что в первый период, т. е.

[1] Ср. П. М. Рудаков. О разделении труда и машине социалистической эпохи, „Проблемы экономики“ № 10/11, 1929.

в период донэповский, тогда, когда вопросы труда стояли в центре рационализации, психотехническая работа никакого практического значения не имела. Как это об'яснить себе? То ли у нас не было психологов, то ли они не интересовались этим? Нет, они интересовались, но в то время все, что могла дать психотехника, не было ни экономически, ни политически необходимо. Действительно, тогда ставить профессиональный подбор по склонностям и способностям не имело смысла, потому что требования к умелости, требования к качеству работы и к ее интенсивности были так незначительны, что профессиональный подбор едва ли мог внести в работу значительные улучшения. Ставить исследования утомляемости не имело тогда никакого смысла, во-первых, вследствие малой интенсивности тогдашнего труда, во-вторых, вследствие того, что низкая работоспособность, малая продуктивность работы имели своей причиной не только и не столько утомление, сколько недостаточное питание, недостаточную оплату труда, недостаточно хорошие условия, в которых этот труд протекал. Поэтому даже там, где начинались уже работы по психотехнике в то время, в 1921 г.,—а у нас первые две или три лаборатории были организованы в 1921—1922 гг. (в ЦИТе, в Казани и в НКТ СССР),—даже там, где начинались такие работы, они не могли иметь сколько-нибудь большого значения, так как нисколько не были связаны с прикладной производственной работой.

Совсем иначе обстоит дело во второй период—1924—1926 гг.—тогда, когда возросла интенсивность труда и возросли требования к отдельному рабочему и к его выработке. Тогда психотехника стала у нас принимать понемногу приблизительно те же самые формы работы в смысле методов и постановки проблем, которые она имела в западно-европейских странах. Я хочу сразу же оговориться: политические цели работы конечно были другие, другими были и организационные формы психотехнической работы, и мы сразу же говорили, что психотехника подобна той винтовке, которая в руках каждого класса служит защите его интересов, и что стало быть психотехника в наших условиях должна служить развитию и защите интересов нашего государства[1].

Конечно мы еще до того, как психотехническая работа в нашей стране получила сколько-нибудь широкое распространение,

---

[1] Ср. Предисловие И. Н. Шпильрейна ко 2-му русскому изданию книги Г. Мюнстерберга, Психология и экономическая жизнь, в переводе М. Кручиной, 1924.

уже говорили, что эта работа у нас не может быть делом отдельных частных лиц или делом отдельных предпринимательских групп, что психотехника не должна быть повернута своим острием против рабочего класса, говорили о нужных организационных формах для этого. Что же не было у нас тогда специфическим? Не была специфической тематика психотехнической работы. У нас ставились работы по профессиональному подбору, ставились,—по крайней мере последнее время начинали ставиться,—работы по профессиональной консультации, но эти работы принципиально по своей тематике не отличались от соответствующих работ, которые ставились за рубежом. У нас ставились исследования производственного утомления. Конечно, они организационно и в политическом отношении ставились иначе, нежели эти работы ставятся за рубежом. Конечно у нас они ставились не против революционных профсоюзов, и не силком, а ставились именно по инициативе профсоюзов. Они, конечно, ставились не частнокапиталистическими лабораториями, которые от рабочих и от конкурирующих фирм скрывают свои результаты и пользуются психотехникой, как одним из удобных средств бороться с недовольством рабочих или найти благовидный предлог для увольнения. Конечно у нас психотехника этих извращений не имела, на это было нами с самого начала обращено внимание, и психотехника в смысле организационных форм была наукой советской. Но в смысле тематики, в смысле постановки тем, в смысле непосредственных задач, которые себе ставила психотехническая работа, в нашей стране она по существу не отличалась сколько-нибудь значительно от психотехнической работы в других странах.

Эта работа не шла все время по одному шаблону, а понемногу развивалась. И уже за последнее время, в связи с изменениями нашего хозяйства, в связи с изменением спроса, который в нашем хозяйстве пред'является к психотехнике, появляется новая тематика.

Я упомяну о нескольких работах. Хотя на них мало обращали внимания до сих пор, но мне кажется, что в них заключаются большие ростки тех новых, грандиозных задач, которые стоят перед нашей наукой. Сюда относится например такая работа, как исследование, произведенное А. М. Мандрыкой относительно эквивалентности психотехнических шкал [1], исследование, которое

[1] А. М. Мандрыка. О принципах построения шкал с эквивалентными единицами. „Психофизиология труда и психотехника" (Труды I Всесоюзной психотехнической конференции), под ред. И. Н. Шпильрейна, М.—Л. 1929, с. 67—70.

кажется сугубо теоретическим, которое кажется оторванным от непосредственной, повседневной работы психотехники, исследование, которое задается целью установить: действительно ли одинаковое количество решенных задач всегда означает одинаковую природу трудности теста, т. е. если я решил десять, второй—тридцать, третий—сорок, четвертый—пятьдесят задач, то каждые десять задач, решенных по тесту, означают одинаковый плюс успешности человека. Как будто бы работа политически нейтральная, чисто теоретическая. Между тем мне думается, что эта работа вносит в теоретическую проработку этого поднятого американцами вопроса новую струю и есть начало целого ряда других работ, о которых я сейчас скажу.

Вторая работа по анализу тестовых измерений была у нас проведена В. М. Коганом[1]; ее принципиальный смысл заключается вот в чем: мы сейчас оцениваем успешность человека по тестовому испытанию каким-нибудь количеством: количеством ли сантиметров отклонения, количеством ли решенных задач, количеством ли времени, которое требуется в среднем на решение одной задачи и т. д.

Коган попытался ввести в методы оценки теста качественный анализ, говоря, что не в том дело—решит ли человек семь, восемь или девять задач в некотором тесте—не в этом дело, потому что если мы хотим установить действительно не знания человека, не его подготовленность, а хотим установить, насколько этот человек обладает признаваемыми нами за нужные интеллектуальными признаками, то мы должны учесть, какие вообще задачи интеллектуального порядка доступны этому человеку на данном состоянии его развития; вообще, т. е. независимо от материала, которым мы оперируем, независимо от подготовки или быстроты решения задач. Мы должны попробовать подойти к решению задач качественно и установить, доступна ли испытуемому эта интеллектуальная функция, налицо ли та степень интеллектуального развития, которую мы хотим установить. Для этого мы должны испытуемому самую задачу разжевать и посмотреть, насколько эта разжевка им может быть проглочена. Это совершенно новый принцип в тестовом испытании, и этот новый принцип опять показывает, что где-то зародилось недовольство традиционными тестовыми испытаниями. Очевидно и здесь возросшее

[1] В. М. Коган, Количественные и качественные показатели по тестам, „Психоневрологические науки в СССР" (Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека), под ред. А. Б. Залкинда, М.—Л. 1930, с. 219—220.

количество исследований заставляет нас искать других, новых качественно путей.

Я упомяну еще о тех харьковских работах, которые велись во Всеукраинском институте труда, с которыми все присутствующие психотехники знакомы и которые пытались установить влияние социального признака на успешность по тестовому испытанию. Я считаю, что статья Сыркина, которая напечатана в № 1 нашего журнала[1] и на которую есть уже в портфеле редакции ответ Макарова,—эта статья является симптоматичной. Не потому, чтобы я был согласен со всем тем, что там написано, но потому, что это—постановка вопроса, к которой нельзя было не притти. Сыркин, отказываясь от всякого об'яснения этого факта, устанавливает различия в успешности по тестовому испытанию между детьми различных социальных групп, различия, которые остаются неизменными от одного школьного класса к другому в течение ряда лет.

Работа Сыркина этим кончается.

Совершенно несомненно, что необходимо проанализировать эту работу. Действительно ли «все существующее разумно» и более обеспеченные общественные классы обладают также более высокими интеллектуальными свойствами, или же работа споткнулась на той методологической ошибке, что дети, подвергавшиеся обследованию в течение ряда лет, оставались все время под влиянием своей домашней среды? Таким образом фактор «домашняя среда» действовал все время, в течение которого производились наблюдения, и работа Сыркина показывает только, что постоянное действие двух факторов, действующих в различных направлениях (т. е. школы и семьи), не ослабляет этого первоначального и длительного воздействия. Я лично склонен к этому последнему об'яснению.

Но работа возникла не сама по себе, а благодаря все повторявшимся, вновь и вновь возникавшим вопросам о том, как же все-таки примирить различную по нашим тестам успешность людей, происходящих из различных общественных классов, с самим существованием тестов и со все большей практической значимостью этих тестов.

Ведь применение психотехнических испытаний у нас все время растет. Сейчас уже в нашей Красной армии психотехническая работа заняла очень значительное место при комплекто-

[1] М. Сыркин (Харьков), Устойчивость социальных различий в показаниях тестов одаренности. „Психотехника и психофизиология труда", П. 1929, I, с. 9—15.

вании не только вузов, но и полковых школ. В комплектовании нашего фабзавуча все большее значение играют психотехнические испытания. И здесь также мы сейчас имеем десятки тысяч, много десятков тысяч людей, профессиональная судьба которых определяется на основании этого испытания. Также и в высших учебных заведениях эти методы начинают играть все большую роль. При исследованиях утомляемости и упражняемости, которые также приобретают все большее и большее значение, всюду и везде, в различных производственных условиях, различных школах, мы натыкаемся на ряд новых специфических постановок вопросов, которые свидетельствуют о том, что очевидно мы уже в психотехнике собрали довольно большое количество материала, и что само это количество материала требует качественных изменений, и что готовится некоторое качественное оформление этого материала. И наша задача сейчас—подумать, как же мы оформим тот очень большой материал, который мы собираем в течение 8 лет.

К тому же, наряду с тем, что у нас большое количество этого материала, внешний спрос на нашу работу, внешние требования к ней также сейчас принимают другие очертания, нежели они имели еще год тому назад. У нас сейчас бурно растут новые требования к психотехнической работе, растут не только требования на новые формы работы, но и совершенно императивно растет спрос на марксистское осмышление того, что делается в психотехнике, и на некоторую перестройку наших рядов как в смысле тематики, так и в смысле организации нашей психотехнической работы.

Каковы же эти требования, которые сейчас нам ставятся? Для ответа остановлюсь несколькими словами на том, чем отличается положение труда в нашей рационализаторской работе сейчас от положения труда в нашей рационализаторской работе несколько лет тому назад. Когда мы сейчас говорим о социалистическом строительстве, мы понимаем под этим, что у нас не только строятся некоторые новые технические и экономические формы общежития, которые мы называем социалистическими, но что политическим гегемоном этого строительства и фактическим выполнителем этого строительства является господствующий рабочий класс. Это значит, что у нас в первый раз в истории об'единяется рабочий как носитель государственной власти и организатор производства и рабочий как непосредственный исполнитель, как непосредственный носитель труда на производстве. Отсюда уже, из этого об'единения получаются

и некоторые новые формы в организации этого труда. Именно потому, что у нас внутри нашего производства нет классовой борьбы, что классовая борьба идет не внутри нашего социалистического предприятия, мы можем на этом предприятии откровенно и заостренно и четко ставить целый ряд вопросов. В частности, у нас совершенно правильно и своевременно заостряется тот лозунг, что труд свободного человека интенсивнее рабского труда, и мы требуем и проводим на ряде наших предприятий более интенсивный труд, нежели даже труд, бывший во всякие старые времена.

Мы одновременно добиваемся наибольшей производительности труда всеми методами, которые доступны нам. Но интенсифицируя труд, мы в то же время стремимся улучшить его условия, поскольку у нас опять-таки сочетается стремление, с одной стороны, поднять до максимума производительность труда, а с другой стороны, сохранить живого носителя труда, сохранить рабочего. И таким образом здесь имеется также естественная граница этой интенсификации, естественная граница, которую собственно впервые дает нам та тесная увязка, которую мы имеем сейчас между всеми элементами нашей производственной организации. Мы сейчас имеем значительный, бурный рост технической грамотности, значительный, опять-таки, бурный рост экономической грамотности, расширение овладения техникой и экономикой производства и наряду с этим имеем и рост политической сознательности, которая создает нам сейчас гораздо большую экономию, гораздо более хозяйственное и хозяйское отношение к производству, которое создает совершенно неслыханные рекорды в этом отношении. И вот именно благодаря этому об'единению, о котором я говорил, об'единению пролетария—организатора производства с пролетарием—рабочим на фабрике, у нас сейчас возможно, ясно выявив их сущность, провести те организационные мероприятия, которые причиняют капиталистической рационализации такие бесконечные трудности.

Я беру, как пример, конференцию рабочих, работающих на предприятиях, где введен непрерывный поток, которая состоялась у нас по инициативе о-ва работников НОТ и Психотехнического о-ва в Москве в апреле этого года[1]. Как там ставился вопрос? Кто там был? Там был низовой рабочий актив, преимущественно

---

[1] „Рабочие о непрерывном потоке" (Московская конференция рабочих с предприятий, введших непрерывный поток), под ред. и с предисловием И. Н. Шпильрейна, изд-во „Техника упр.", Москва 1929.

цехделегаты, люди, работающие у станка. Как ставили делегаты этой конференции вопрос об интенсификации труда, о необходимости введения непрерывного потока? Не было ни одного голоса, который бы высказался против непрерывного потока, ни одного голоса, который бы говорил против интенсивных методов труда. Но наряду с этим было очень много голосов, которые критиковали, и иногда очень резко критиковали, недостатки в рационализаторской работе, недостатки техники, недостатки охраны труда. Самое замечательное, что бросилось в глаза всем нам, бывшим на этой конференции, это то, что вопросы рационализации труда, вопросы машинизации труда и вопросы охраны труда так тесно переплетались между собой, что возможно было только как некоторые абстрактные темы различить эти две постановки вопроса. В этом отношении все мы на этой конференции научились очень многому, научились, в частности, на живом примере тому, как в условиях социалистической промышленности кажущаяся противоположность между мероприятиями, например, по рационализации и по охране труда есть по существу противоположность только кажущаяся, потому что эта противоположность изживается там, где мы фактически переходим к реконструктивным мероприятиям, там, где мы действительно переходим к социалистической рационализации наших предприятий.

Мы не очень еще далеко пошли по тому пути, по которому нужно итти. У нас сейчас недостаточно еще развиты все те специфические формы рационализаторской работы, которые порождены нашими специфическими условиями и ведущей ролью рабочего класса в рационализации, и неслыханным темпом, которым движется наша рационализаторская работа, наша реконструктивная работа, и теми исключительно благоприятными политическими условиями, в которых она проходит,—я говорю о диктатуре пролетариата. Мы сейчас несомненно имеем только первые ростки тех психологических установок, той психологической мобилизованности рабочих масс, которые являются одновременно и носителями и об'ектом этой работы. Мы имеем такие явления, как социалистическое соревнование, как организованное изобретательство на наших заводах, как добровольное снижение расценок, как контрольные комиссии на предприятиях, как всевозможные методы стимуляции труда, как массовый контроль над улучшением условий труда. Все это мы имеем за самое последнее время, и именно сам бурный рост этих форм работы нам показывает, что мы сейчас далеко еще не нащупали всех форм, по которым

пойдет активность трудящихся при строительстве социализма. Далеко еще не нащупали всех форм—это во-первых. А во-вторых, здесь таится некоторая опасность, на которую ясно указывает и постановление ноябрьского пленума ЦК относительно кадров[1]. Опасность та, что вопрос о кадрах, вопрос о достаточной подготовке к неслыханно грандиозным задачам, стоящим перед нами, может оказаться узким местом, если на него не будет обращено самое большое внимание.

Стоит ли говорить, где, в каких отношениях этот недостаток подготовки может оказаться узким местом? Только несколько примеров, товарищи, потому что эти явления достаточно известны. Вы знаете, что среди малосознательных слоев рабочих некоторые мероприятия рационализаторского характера вызывают реакцию такого типа, как «за что боролись», реакцию, которая материальное свое оформление находит то в том, что где-нибудь в машину подсыпают песок, то в том, что где-нибудь происходит умышленная порча какой-нибудь детали, без работы которой не может итти производство, то убивают изобретателя, которого обвиняют в том, что его изобретение вызывает массовые увольнения, или что-нибудь еще в этом роде.

Но ведь с такими явно контрреволюционными, вследствие своей несознательности или классовой чуждости, элементами гораздо легче справиться, нежели с такими фактами, когда не вредительство (это я в тезисах нехорошо написал), а причинение вреда производству происходит вследствие того, что какие-нибудь группы рабочих или кто-нибудь из производственников действительно не понимает значения рационализаторских мероприятий. Из нашей практики я могу привести несколько таких примеров. Когда в этом году мы на телефонной станции указывали на излишнюю утомляемость телефонисток вследствие нерациональных стульев и требовали, чтобы эти стулья были заменены новыми, заведующий сетью развел руками и говорит: «Стулья—тоже рационализация? В первый раз слышу!» Значит человек не мог себе представить, что рационализаторская работа, что производительность труда каким-нибудь образом связана с той мебелью, на которой сидит работающий человек. Такие примеры встречаются в практике рационализации достаточно часто. Они свидетельствуют о том, что люди, кото-

[1] „О кадрах народного хозяйства" (Об исполнении решений июльского пленума ЦК о подготовке технических кадров—резолюция по докладу т. Кагановича, принятая пленумом ЦК ВКП(б) 16 ноября 1929 г., „Правда", 19 ноября 1929 г.

рые, вообще говоря, готовы на совесть содействовать рационализации, недостаточно подготовлены для этого. Эта неподготовленность может оказаться узким местом, так как при наших темпах, при росте спроса на новых людей в производстве, на подготовленность людей в производстве техническую, экономическую и идеологическую этот вопрос сейчас приобретает наибольшую важность не только на ближайший день и неделю, но на годы. Очевидно, он уже диктует нам ближайшую цель психотехнической работы. Я формулирую важнейшую цель психотехнической работы на ближайшие годы как идеологическую и техническую подготовку кадров.

Ведь рационализация подготовки—это значит рационализация воздействия. Мы вмешиваемся в педагогический процесс. Рационализируя его, мы рационализируем и трудовую деятельность. Значит, работа наша по линии рационализации—это рационализация воздействия с целью увеличить его эффективность. Но, говоря о рационализации воздейственной работы в реконструктивный период, мы имеем в виду, что работа по социалистическому строительству рассчитана на долгие сроки. Она идет не под часто сменяющими друг друга лозунгами, а разрешает большие задачи, которые рассчитаны на годы. Соответственно определяется и тот вид общественного воздействия, который является наиболее важным. Важнейшей отраслью воздействия, подлежащего психотехническому исследованию и психотехнической рационализации, является первоочередная по важности работа,—это работа пропагандистская, а не агитационная. Первоочередная задача в воздейственном отношении — преподавательская работа, а не докладная.

Если мы так определим наши задачи в период реконструкции, то наша задача—содействие идеологической и технической подготовке кадров. Эта задача стоит перед нами в первую, вторую, третью и может быть пятую очередь; и только в шестую очередь—какая-нибудь другая. Все остальные задачи должны быть подчинены этой цели.

Возьмем, например, задачи профподбора. О профподборе хорошо говорить в капиталистическом государстве. Там задачи профподбора определяются очень просто. Если мне нужны наиболее хорошие рабочие, то я отберу 20 человек из 100 явившихся, а 80 человек мне не нужны; 20 я отобрал, а 80 пускай идут куда угодно. В нашей государственной системе мы так рассуждать не можем, потому что эти 80 человек—активные участники нашего общего дела и как головы, и как руки, и как рты.

Рост рабочей силы у нас, по контрольным цифрам, будет чрезвычайно быстрым, и задача наша не в том, чтобы путем профподбора обеспечить самоснабжение отдельных предприятий, но очевидно в том, чтобы как-то содействовать планомерному распределению трудящихся внутри нашей хозяйственной системы.

Все сказанное уже содержит некоторые указания на то, какие именно проблемы должны ставиться непосредственно для психотехнического изучения. Очевидно, если мы примем, что главной задачей является задача подготовки кадров, то мы должны преимущественно ставить перед собою вопросы изучения тех законов, которым подчиняется эта подготовка кадров, законов упражнения и обучаемости. В частности, мы здесь имеем материал, громадный материал, который еще почти не тронут психотехническим изучением,— я говорю о громадном пропагандистском опыте коммунистической партии,— пропагандистском и агитационном. Этот опыт сейчас отчасти напечатан в различных воспоминаниях, отчасти он содержится в многочисленных отчетах партийных организаций, часть, и самая ценная часть его, содержится в личных воспоминаниях наших наиболее успешных агитаторов и пропагандистов. Этот опыт надо как-то об'единить, методологически осмыслить, обработать и использовать.

Кроме того, если мы видим задачу психотехники в том, чтобы рационально использовать наличные рабочие кадры, то мы должны понять, что перед нами сейчас с большей остротой, чем прежде, встают вопросы марксистской диференциальной психологии. Вообще говоря, неоспоримо, что психотехника—это отрасль диференциальной психологии, неоспоримо, что перед каждым психотехником стоят задачи диференциально-психологические. Но сейчас перед нами выдвигаются задачи оформления диференциальной психологии, создания марксистской диференциальной психологии. В литературе есть очень значительные труды по диференциальной психологии. Основным произведением по диференциальной психологии является книга Вильяма Штерна [1]. Эта книга имеет громадную ценность постольку, поскольку она подытожила очень большой опыт прежних исследователей в этой области. Она впервые резко и четко поставила вопрос о том, что диференциальная психология является особой отраслью науки, впервые высказала ту истину, что диференциально-психологические проблемы должны рассматриваться особо и что должен быть поставлен вопрос о том, что же называется типом в психологии,

[1] Die Differenziele Psychologie in ihren methodischen Grundlagen.

что называется стойким или нестойким различием; какие статистические предпосылки необходимы для того, чтобы признать существующими какие-нибудь отклонения личности от нормы, какие статистические и методологические предпосылки необходимы для того, чтобы классифицировать отклонения, как типовые или классовые. В этом отношении Штерн был, и вероятно останется, еще на долгие годы по крайней мере, непревзойденным исследователем и чрезвычайно ценным и для нас и вероятно еще для многих более молодых, чем мы, психотехников.

Вместе с этим, в учении Штерна имеются и некоторые такие особенности, которые нас заставляют считать, что мы можем взять от него только те элементы, о которых я сейчас говорю, но не можем принять его в целом,—например штерновское учение о конвергенции, т. е. о взаимоотношениях между личностью и обществом, о том воздействии, которое состояние общества оказывает на формирование личности. Это чисто абстрактно изложенное учение о конвергенции совершенно неприемлемо с марксистской точки зрения. Штерновская концепция общества ничего общего не имеет с нашей концепцией классового общества и очевидно, если нас интересует классовое оформление личности как методологическая проблема, если нас интересует, как формируется идеология, как формируется классовый тип, как формируется личность при столкновении индивидуума с обществом, то нам необходимо даже не переоценивать Штерна в этом отношении, а просто забыть то, что у него написано, и создать в этом отношении новую марксистскую дифференциальную психологию.

Не иначе обстоит дело и с вопросом о взаимоотношении между физическим и психическим. Как себе мыслит эти взаимоотношения Штерн? Он мыслит себе их в том смысле,—что самодвижение есть некоторый нейтральный носитель психических элементов, с одной стороны, физических — с другой стороны, как выразитель целенаправленной каузальности личности. Самые физико-химические законы у него — проявление целенаправленной причинности мировой личности, Allperson, т. е. вселенной. То есть вместо того, чтобы разрешить проблему психофизического утверждением единства психических и физических явлений, Штерн пытается о б о й т и эту трудность тем, что он создает новую, третью сущность—самодвижение в психическом и физическом как субстанцию нейтральности, причем нейтральность не об'ясняет ее природы. Штерн нигде не об'яснил, почему он думает, что такое привнесение третьей субстанции облегчит разрешение проблемы, возникающей тогда, когда мы говорим

о взаимоотношении психического и физического. Таким образом монизм Штерна является по существу даже не дуализмом, а «триализмом». Самодвижение у него не свойство материальной личности, а сущность личности нейтральной. Также очевидно, что нам и в этом с ним совершенно не по пути, и сейчас так же необходимо совсем по иному, совсем на иных принципах строить ту дифференциальную психологию, которую мы называем марксистской.

Я уже не говорю о целом ряде других, более мелких различий между нами и Штерном, так например о биологическом определении понятия класса у Штерна, которое противоречит марксистскому социологическому определению этого понятия, и о ряде других моментов такого же порядка.

Во всяком случае сейчас, поскольку дифференциально-психологические исследования являются уже не серой теорией, а теснейшим образом спаяны с нашей повседневной работой, поскольку они спаяны с теми видами педагогической и политической деятельности, которая приобретает неслыханный размах и которая органически врастает в социалистическое строительство периода реконструкции, важнейшей задачей и задачей уже сегодняшнего и завтрашнего дня (и послезавтрашнего,— потому что мы это в один-два дня не закончим) является построение марксистской дифференциальной психологии.

Взаимоотношение между штерновской дифференциальной психологией и марксистской дифференциальной психологией я хочу иллюстрировать примером, ничуть не настаивая на том, что этот пример очень хорош или что он хорош во всех своих частях. Примерно так же, как диалектическая логика не устраняет аристотелевой логики, а дополняет ее и изменяет те построения, которые мы пытались бы делать, исходя из аристотелевой логики, подобно этому мы берем у Штерна самую мысль о необходимости дифференциальной психологии, берем целый ряд его установок на то, какие именно предпосылки могут заставить нас считать те или иные дифференциальные факты неслучайными; но мы изменяем и достраиваем это недостроенное здание при помощи внесения марксистского метода в дифференциальную психологию. Это первая важнейшая наша задача.

Далее, ряд задач связывает психотехнику с задачами организации труда на предприятии. Я только перечислю некоторые из этих задач. Вопросы освещения интересуют не только врача, но и психотехника. И там, где врачи работают по рационализации освещения, они работают по существу психотехническими мето-

дами, или психологическими методами. Я вижу здесь товарищей из Института охраны труда, которые знают работу по изучению утомления глаз в связи с условиями освещения, ведущуюся врачами Фонгауз и Зайдшнуром. Так вот эта работа ведется по существу самыми хорошими традиционными психологическими методами, и невозможно было бы ее вести иначе, потому что мы не можем изучить трудовое поведение одними только медицинскими методами. Психотехника уже и сейчас ставит большие работы по вопросам о предельной допустимой нагрузке, допустимом ритме, темпе и наиболее рациональных перерывах. Все эти работы ведут,—а в исследовании утомляемости принимают участие, и, насколько мне известно, обычно руководящее участие,—психотехники.

Но тут дело не только в том, что мы принимаем участие или руководим этими работами, а в том, что сейчас производственный труд меняет свою технику. У нас имеется такой новый элемент в производстве, как непрерывный поток. Непрерывный поток специфически меняет труд рабочего. Он, с одной стороны, требует меньшей квалификации, или, вернее, требует меньшего процента людей высокой квалификации для производства определенной работы. С другой стороны, он пред'являет множество требований уже не того порядка, который преимущественно интересовал и интересует еще, даже в сегодняшние дни, германскую психотехнику. Именно—непрерывный поток требует уже не столько чисто физической ловкости, сколько таких социальных качеств, как товарищество, умение работать в коллективе, определенная нервная выдержка, приспособление к определенному темпу, к определенной позе, к определенной работе — одним словом, приспособления к определенным, строго нормированным условиям труда. И в свете этих внешних, оформляющих, организующих труд моментов самая ручная ловкость при конвейере приобретает иное значение и имеет другую психологическую ценность, потому что если вы будете испытывать только ручную ловкость и устраните все особые условия, в которые эта ручная ловкость ставится конвейером, то вы устраните самую основную сущность при исследовании профессиональной пригодности, профессиональной приспособленности и приучаемости к работе у конвейера. Там, где конвейер, где новые формы машины захватили большие группы рабочих, там мы очевидно должны будем говорить н е о п о д б о р е рабочих для этих видов труда. Там, где мы сейчас имеем быстрые технические сдвиги в самых казалось бы реакционных, неподвижных, устарелых типах производства,

там мы должны считаться с тем, что основная задача психотехники будет заключаться в том, чтобы создавать среди наличных рабочих (а не искать на бирже) те качества, которые необходимы для новой работы. Вспомним апрельскую конференцию по работе непрерывным потоком, созванную психотехническим обществом с ОРНом, и опыт, о котором на ней с таким под'емом рассказывали рабочие с «Красного богатыря».

Что произошло на «Красном богатыре»? Когда там ввели непрерывный поток, т. е. значительно уменьшили число операций, над которыми сидела каждая работница, и значительно изменились условия труда, так что несмотря на увеличившуюся выработку освободилось много работниц,—этих работниц не послали за ворота и вместо них не наняли других, а тех же самых работниц приспособили для новых условий труда. Что это значит? Это значит, что была решена большая педагогическая задача. Педагогические задачи подобного рода ежедневно будут перед нами возникать при изменении условий, в которых протекает наш труд.

Этим также об'ясняется важность для нас тех тем, которые связаны с колебаниями производительности, с вопросами утомляемости и упражнения.

Но так как мы ставим себе педагогические задачи, а не задачи профотбора, то перед нами стал вопрос исследования механизмов этих явлений, так же как исследования механизма тестовых испытаний вообще. И вот здесь мы ожидаем (пока еще ожидаем, но кажется, что это нам придется самим сделать), что нам в отношении исследования соответствующих механизмов окажут помощь психологи, ставящие своей задачей не вопросы рационализации, вопросы прикладной психологии, как мы, а задачу исследования теоретических вопросов в психологии. Вот мы от них и ждем помощи в этом отношении. Мы им даем «социальный заказ». Некоторые товарищи понимают выражение «социальный заказ» очень примитивно, понимая под этим словом всякую работу, которая кем-нибудь заказана. Поэтому оговоримся. Если мне, скажем, позвонят сегодня из Северолеса и скажут, что им нужно обследовать пригодность 50 трактористов, то это не есть социальный заказ, а просто обыкновенный заказ. Если психологи, выполняющие этот заказ от имени своего учреждения, лично на этом обогащаются, то этот заказ называется уже лавочкой. Социальный же заказ заключается в нашем случае в тех требованиях, которые одна наука пред'являет другой науке для выполнения.

И здесь не случайно, что мы, психотехники, пред'являем социальный заказ психологам, а не психологи нам. Почему? Потому, что социальный заказ одной науки другой всегда идет от науки с более сложным об'ектом изучения к наукам, изучающим элементы этого об'екта. Если мы расположим ряд наук в порядке усложнения их об'ектов с созданием новых качеств, и поэтому новых подходов и новых методов для изучения этих новых качеств, то мы получаем такой ряд наук: 1) науки физиологической группы, 2) психологической группы, 3) социальной группы. Действительно, методика каждой из этих наук применима к ее специфическим об'ектам до тех пор, пока большая сложность явлений не создает новых качественно образований, которые уже не могут больше изучаться элементарными методами основной науки.

Так, например, при известном соединении физико-химических элементов, метод физико-химический оказывается недостаточным для изучения специфических явлений биологического порядка, и здесь уместными оказываются физиологические методы исследования.

При дальнейшем усложнении физиологических явлений создаются качественно новые явления, и тут для исследования этих новых качеств — что бы ни говорили рефлексологи — физиологические методы оказываются недостаточными. Мы необходимо приходим к исследованию психологическому.

Наконец там, где мы говорим о человеческом коллективе,— о коллективном творчестве, о социальных взаимоотношениях, об идеологии коллектива,— там психологические методы оказываются недостаточными. Мы не в состоянии психологическими методами изучать общественные науки. Для адекватного изучения качественно новых образований необходимы новые методы исследования.

Так вот науки, изучающие более сложные образования, основываются на науках, изучающих более элементарные образования. Утверждая, что психология—биосоциальная наука, мы говорим это потому, что психология занимает среднее место между науками биологическими и науками социальными. Она исследует те факты, которые создаются явлениями, изучаемыми «чисто биологическими» науками, но которые сами не могут быть изучены только физиологическими методами и требуют методов изучения специфических для психологии. С другой стороны, психология изучает те факты, которые являются элементами социальных взаимоотношений, но являются элементами

не исчерпывающими, потому что в социальных взаимоотношениях создаются новые качественные образования, которые не могут изучаться только психологическим методом.

Но мы рассматриваем самую психологическую группу наук тоже не как однородную науку, а как цепь дисциплины, отдельные звенья которой постепенно ведут от биологических наук к социальным. Мы здесь имеем, с одной стороны, такие звенья, такие течения в психологии, методика которых ближе всего подходит к физиологии. Сюда относится «физиологическая психология» Вундта, которую трудно назвать «биосоциальной наукой», которая гораздо более биологическая наука, чем социальная. И мы имеем на противоположном конце цепи, ближе всего к социальным наукам, психотехническое звено, непосредственно имеющее дело с человеком как членом коллектива производственного, военного и т. д. Вот почему мы говорим, что вундто-челпановская психология—самая физиологическая дисциплина изо всего ряда «биосоциальных» наук, а психотехника—«самая социальная».

Возвращаюсь к социальному заказу: основной заказ, который мы хотели бы иметь выполненным для создания психологической теоретической базы,—это обоснование исследований по психотехнике диференциально-психологической базой. Психологи вундтовской школы — Титченер, Челпанов—не дали таких исследований диференциально-психологического порядка, они ограничились общепсихологическими исследованиями,— таковы исследования закономерностей внимания, времени, реакции, памяти. Исследователи устанавливали, что таким-то образом протекает запоминание или забывание, таким-то образом протекает физиологически такой-то аффект. Устанавливается определенная закономерность, определенная связь между внешним раздражителем и реакцией на него. Человека берут вообще, а не как члена определенной группы, и этим собственно исчерпывается подход к проблеме. Если между испытуемыми встречалась разница в поведении, отклонения некоторых из них от нормы, то эти отклонения рассматривались, как случайность, и как таковая устранялись от рассмотрения. Это было отказом, у м ы ш л е н н ы м отказом от диференциального подхода к рассмотрению психологических явлений.

Психотехника подобным образом работать не может. Для нас как раз различия между людьми приобретают основное значение для нашей прикладной работы. Мы хотим не только п р и з н а т ь с у щ е с т в о в а н и е возрастных, классовых, половых и всех прочих различий, потому что они играют все же роль при

распределении людей и при их подготовке, но мы хотим также признать, что эти различия должны быть изучены, мы не только не забываем их, но мы их изучаем, учитываем и на этом учете строим всю психотехническую работу.

Вот почему вопросы о том, какой вид диференциации может быть назван неслучайным, когда диференциация заслуживает изучения, когда и как ее можно создать или уничтожить, для нас, психотехников, приобретают преимущественное значение. И вот до сих пор наши «психологи» (которые себя так называют в отличие от психотехников) нам как раз в отношении диференциации ничего, или почти ничего не дали. В частности, я этот упрек вынужден поставить и Психологическому институту. Психологический институт в тех случаях, когда он ставил себе диференциально-психологические проблемы, решал их «общепсихологическими», как там говорят, методами. Что это значит? Это значит, что никогда психологический институт не ставил перед собой задачи, которую должен был поставить себе раньше, чем перейти к любой практической постановке вопроса,— задачи о том, какие же признаки могут быть признаками классово-обусловленными, какие критерии существуют для того, чтобы считать различие устойчивым признаком или нет, случайно явившимся или проявлением типа, какие критерии имеются для того, чтобы считать уклонение от нормы действительно установленным, какие критерии для того, чтобы считать явление повторяющимся, чтобы считать его закономерным, чтобы считать его зависящим от того, а не другого факта.

Я назову несколько исследований, вышедших из этого Института (беря их просто в качестве примеров и не называя авторов), чтобы показать, что происходит тогда, когда пренебрегают этой предварительной работой по установлению законов диференциации. Вот работа, устанавливающая закономерности письма, закономерности изменения письма с возрастом и с культурными эпохами. В этой работе автор для решения одного из существенных ее вопросов ставит эксперименты и устанавливает, что из пяти человек, обследованных им, трое дают отклонение вверх при повторении обследования, а двое дают отклонение вниз. Выводится умозаключение: 60% отклоняются вверх, значит общий закон — отклонение вверх. При этом статистический предварительный анализ сразу же показал бы, что пять человек недостаточный коллектив, чтобы на нем проводить такое обследование, что при случайном распределении из пяти трое непременно дол-

жны отклониться в одну сторону, двое—в другую. Эта работа, на которую было затрачено очень много времени, сплошь состоит из подобных цифровых упражнений. Этим она потеряла фактическую ценность, потому что те числовые результаты, на основании которых были установлены закономерности, оказались недостаточно обоснованными.

Вторая работа. Она была поставлена таким образом: нужно доказать, как хорошо влияет на интеллект студентов пребывание в рядах Красной армии. Берется некоторая группа студентов и обследуется набором различных тестов; потом эти студенты проходят военное обучение в течение лета, после чего их вторично обследуют теми же тестами. Получается увеличение успешности в два раза. Но ведь прирост успешности всегда получается, если одну и ту же группу дважды испытывать одними и теми же тестами. В данном случае не было контрольной группы, на которой можно было бы проследить, как велик был бы этот прирост, если бы соответствующие студенты не проходили военного обучения. (*Артемов*: «Это не работа Института»).

Я очень рад и очень доволен, что Психологический институт от этой работы, проведенной его аспирантом и под научным руководством его сотрудника, отказывается. Примеры таких работ могу привести еще, если кто-либо сомневается в том, что их достаточно. Если же никто в этом не сомневается, то разрешите перейти к причине их появления. Причина заключается в том, что в Психологическом институте еще не поняли, что необходимо не общепсихологическими методами, а диференциально-психологическими методами подходить к разрешению диференциально-психологических, по существу, проблем. Там даже основная секция так и называется — секция общей психологии Я позавчера был очень обрадован, когда прочел тезисы одной диссертации, которая должна была защищаться в Психологическом институте, потому что в этих тезисах в психологию свидетельских показаний, во все те построения, которым Штерн дал обоснование только с точки зрения возрастных групп, вносится момент классового анализа, дается указание на то, что две экспериментально изученные классовые группы по-разному воспринимают один и тот же кино-материал. Но сейчас мне сообщили, что эта работа снята с защиты. Я не знаю еще, почему она снята, но видимо уже не могу говорить и об этой работе, как о счастливом исключении.

Во всяком случае, социальный заказ наш — психотехников психологам — заключается в том, чтобы, во-первых, они дали нам

исследования дифференциально-психологического порядка. В частности, для нас будет чрезвычайно ценно, если нам дадут исследования быстро развивающихся сдвигов идеологического порядка, столь характерных для нашего переходного времени. Эти исследования для нас чрезвычайно нужны, они для нас сейчас в нашей практической работе, цели которой я описал, являются работами первостепенной важности. Во-вторых — о тестах. Тесты — это основные методы, которыми мы сейчас работаем. Дайте нам анализ успешности в тестовом испытании не только с точки зрения цифири, но и с точки зрения качественных механизмов приспособления к ним. Наконец, в-третьих, для нас, психотехников, будет важно, если психология в своей тематике даст нам в первую очередь те проблемы, будет заниматься в первую очередь теми темами, которые наиболее нужны для задач социалистического строительства реконструктивного периода.

Целый ряд вопросов физиологического порядка, которые занимают некоторых исследователей, для нас в настоящее время не является вопросами первостепенными. Вопрос о том, предпочтительнее ли тест бумажный или тест аппаратурный, которому некоторые товарищи в Психологическом институте пытались придать чуть не принципиальное значение, есть вопрос очень подчиненного значения. Необходимо ли в данном конкретном случае пользоваться интроспективным методом или только экстраспективным — вопрос подчиненного значения, это также вопрос чисто технический, а не вопрос принципиально методологический. Эти вопросы, которые по необходимости были для Челпанова вопросами основного порядка, — потому что у него не было другой методологии,—и рассматривались им, как вопросы первоочередные, для нас являются вопросами только технической важности.

Теперь я перехожу к методологическим задачам психотехники. Работа психотехников до сих пор шла — и будет итти дальше — не по тем путям, по которым шла классическая психология, собирая свой опыт. У нас была другая тематика, другая постановка вопроса. Мы подходили с другой целью. Нашей целью было участие в социалистическом строительстве. При этом мы накопляли материал новый и потому не поддававшийся сразу теоретическому оформлению. Практическая успешность шла впереди теоретического ее об'яснения. Некоторые товарищи вероятно помнят продолжительные споры по этому поводу, упреки нам в отсутствии психотехнической теории, и помнят, как не один раз мы им об'ясняли, что об охватывающей теории гово-

рить рано, что мы находимся в стадии первоначального накопления материала. Теперь материал накоплен. Теперь везде прет необходимость теоретического оформления этих наших психотехнических исследований. Разрешите на нескольких основных примерах показать, где именно сейчас необходимо уже теоретическое, методологическое оформление этого материала.

Прежде всего — тест — основной метод психотехнического исследования. Что мы имеем в тесте? Сидит человек и решает задачи, и второй, и третий, и пятый решают, и решают с различной успешностью. Почему? Есть две причины: одна причина — люди разно одарены, другая причина — люди разно подготовлены. Одаренность может иногда перекрыть подготовку, но не всегда, а там, где материальная наполненность [1], т. е. само содержание теста, представляет повышенные требования к подготовке, необходимой для понимания задач, и получается, что более подготовленные люди оказываются лучшими по тесту, несмотря на то, что они хуже одарены.

Вот я помню в одной из школ, где были взрослые — и несомненно избранные люди, но люди, не получившие школьного правильного образования, мы применили американский тест на силлогизмы. Там есть такая задача: ртуть тяжелее железа, более тяжелое тело тонет в более легкой жидкости, а более легкое тело плавает по жидкости, более тяжелой. Вывод: железный брусок будет плавать в ртути. Верно или неверно — подчеркнуть. Публика говорит: «Мы не химики, задача очень трудная». Между тем эта задача по форме очень проста, и когда мы по этому самому коллективу дали другую задачу, когда вместо ртути, железа и плавания была лошадь, корова и р о с т, задача была решена великолепно.

С такого рода примерами приходится постоянно сталкиваться. Материальная наполненность теста может изменить успешность в зависимости от подготовки испытуемого. С этим могут не считаться в западноевропейских или американских исследованиях. В исследованиях американской армии было много тестов, которые предполагали наличие знаний. Каковы были результаты? Результаты были таковы, что несколько менее одаренные люди, но получившие хорошее школьное образование, шли на высокие посты, продвигались на командные посты. Плохо ли это или хорошо с американской точки зрения? Очень хорошо. Никакого смещения внутри классов нет, господствующие классы остаются господствовать в армии. Все в порядке.

[1] Термин этот заимствую у Гейворовского, журн. „Психотехника", II, 1929.

И любопытно, что в иностранной психотехнической литературе, которая везде достаточно тщательно разбирается в методологических вопросах, мы почти не имеем исследований о материальной наполненности теста. И уже совершенно не учитывается это явление в практике. Почему это? Будет совершенно ясно почему, если мы поймем, что как в наших условиях, так и во всяких условиях, материальная наполненность теста, взаимоотношение между одаренностью и подготовленностью для решения теста приобретает классовый смысл.

Конечно Таланкин был неправ, когда он во время своего доклада в Осоавиахиме говорил, что психотехника помогает кулацким сынкам продвигаться на командные посты в армии. Он неправ потому, что едва ли кулацкие сынки имеются в армии в таком количестве, чтобы они могли продвигаться. (С места: «Их нет»). Они могут быть, но не в таком количестве. Эта опасность преувеличена; но то, что военные тесты (конечно, если они не учитывают значения подготовки) будут как раз содействовать тому, чтобы люди, имевшие лучшую школу, люди более состоятельные, скорее продвигались,— это безусловно верно. Отсюда— необходимость изменения этих тестов с классовой точки зрения. Некоторые системы тестов надо полностью переконструировать. Вот пример из истории наших военных тестов: там имеются тесты на запоминание фигур. На плакате нужно узнавать фигуры, которые прежде были показаны. Там были такие фигуры: треугольник, шестиугольник и круг. Для нас это очень простые фигуры, правильные фигуры, мы их знаем из геометрии и умеем назвать и поэтому запоминаем и узнаем очень легко. Красноармейцы же их не запоминают. Они легко запоминают, например, рисунок окна или животного, а треугольник или шестиугольник — этого они не знают, для них это абстракция. Круг еще туда-сюда. Его красноармейцы называют «колесо», колесо-то красноармеец запомнит, но треугольник, шестиугольник он не запоминает. Такая абстрактная форма теста для крестьянской молодежи не годится, она требует переконструирования применительно к социально-обусловленной вооруженности их знаниями.

При помощи тестов мы измеряем способности. В теории мы хорошо знаем, что способности развиваются, но эту теорию нужно внести в практику. Сейчас, когда мы определяем способности при психотехническом испытании с целью приема на работу, мы смотрим на наших испытуемых, как на некоторую закостенелую иерархию.

Удовлетворительно ли мы при этом поступаем? Нет, мы поступаем неудовлетворительно. Почему? Потому что мы таким образом игнорируем, во-первых, то, что при испытании способностей не учитывается, как возникли эти способности и какие в них дальнейшие потенциальные возможности. Мы не учитываем того значения, которое имеют компенсация и перекомпенсация для развития способностей, для активации их, какое значение имеет интерес для развития отдельных способностей, какое значение имеют для их развития встречаемые сопротивления. (Это очень важно потому, что там, где нет сопротивления, где нет возможности приложить способности, там они не развиваются, остаются в заглохшем состоянии). Сейчас эти вопросы должны быть поставлены очень широко, потому что само развитие способностей, сама структура личности, сама форма психотехнического профиля зависят от социально-классового бытия человека, не только от биологических его задатков, и там, где мы это забываем, — а мы это в практике слишком часто забываем,—там мы забываем, что психотехника — социально-биологическая наука.

Мы можем игнорировать взаимосвязь способностей, социальную и биологическую их пластичность до тех пор, пока мы не психотехники, а только отборщики людей. Там нам этого не нужно, там мы можем ограничиться только установлением, кто из испытуемых обладает нужным профилем. Но там, где мы подходим к воспитательной задаче, мы вынуждены считаться с динамикой способностей, мы вынуждены считать, что сама личность человека есть нечто динамическое, что тест дает нам фотограмму, а не киногрmaмму, следовательно дает недостаточные знания о личности. Говоря о динамизме и пластичности способностей, мы вплотную подходим к теме об идеологических сдвигах, вызванных революцией. У нас сейчас пропадает бездна интереснейшего материала, интереснейшего для науки и для практики революции, для практики нашего строительства, потому что мы к этим идеологическим сдвигам еще только подходим в отдельных исследованиях. У нас имеются некоторые исследования относительно идеалов детей, относительно социальной установки подростков, относительно их желаний и морали. Но все это является в отношении методики почти полным повторением иностранных образцов, недостаточно учитывающих наши условия, недостаточно классово продуманных, недостаточно учитывающих динамику сдвигов; в частности, у нас почти нет исследований, которые бы нам давали указания

Публичная библиотека имени В. И. Ленина СССР

на вызванные революцией сдвиги в эстетических представлениях. Я как-то доложил небольшую работу относительно перемены имен и фамилий (статистико-психологическая работа)[1], которая проливает луч света на громадные эстетические сдвиги, на громадные сдвиги в направленности к интересам коллектива у нас. Это только одна из тысячи возможных подобных работ. Такие темы у нас до сих пор далеко недостаточно учитываются: сюда относятся вопросы о сдвигах языка, об изменении языка, которое произошло у нас. До сих пор возможны такие работы, как работа проф. Селищева[2] на эту тему, которая по существу мало что дает, кроме сожаления о том, что испортили русский язык. А между тем изменение языка обусловлено грандиозными общественными сдвигами, происходящими сейчас у нас; если эту тему взять шире и попробовать разработать — это бесконечно благодарная тема, которая бы позволила подойти вплотную к тому, как же классовое бытие человека определяет его идеологию, его направленность. Попробовать проанализировать самую технику становления идеологии — чрезвычайно благодарная и важная задача, к которой у нас почти что не приступали.

И наконец — последняя тема психотехники, о которой я хочу здесь сказать, это тема утомления и упражнения. Ведь совершенно ясно, что исследование утомления сейчас уперлось в значительной степени в тупик. Самое явление утомления у нас до сих пор не имеет достаточно хорошего определения. Исследование утомления для всякой рационализаторской работы имеет основное, важнейшее значение. Между тем, что делается у нас для этого? Попытки однозначно определить утомление как физиологически, так и психологически, до сих пор не увенчались успехом, и старательная, тщательная, большая работа английского комитета по здоровью муниционных рабочих[3], проведенная в военное время, привела к определению утомления, которое скорее может быть названо определением, данным от отчаяния, чем определением, данным на основании достаточного познания изучавшихся факторов. Британские исследователи определяют утомление как понижение работоспособности вследствие произведенной работы. Это значит, что они отказались от однозначного определения изменений в организме, происходящих вследствие утомления. Что же они по существу измеряют, при помощи тех

[1] Журнал „Психотехника", II, 4—1929, с. 281--6.
[2] Селищев, Язык революционной эпохи, М. 1928.
[3] Х М. Вернон, Промышленная усталость и производительность труда, перевод В. А. Паперновa, М.—Л. 1925.

проб, при помощи которых якобы измеряют утомленность человека? Они ограничились этим определением, чтобы, с одной стороны, указать, что утомление, как факт, существует, а с другой стороны, что это есть понижение производительности вследствие произведенной работы, а не вследствие заболевания или каких-нибудь эмоциогенных моментов.

Действительно, что показали исследования утомления? Они показали, что одни и те же моменты — и пульс и кровяное давление и т. д. — в одном случае оказываются устанавливающими состояние утомления, т. е. соответствующие функции понижаются с ростом утомления при продолжении работы, в другом случае эти функции повышаются. Почему? Мы попробовали ввести некоторые коррективы, т. е. рассматривать хрупкость признаков соответственно данной конкретной форме работы [1]. Эта хрупкость при установлении профессиограммы должна была дать и даст, — а во многих случаях и давала, — нам возможность установить тесты, более чутко отражающие утомляемость соответствующей профессии. Но ведь и это опять-таки паллиатив. Если мы ищем признаков, которые могут оказаться хрупкими в данной профессии, мы опять-таки самое явление утомления никак не об'яснили. Кроме того, мы здесь натолкнулись на целый ряд таких явлений, которые опять-таки как-то пришлось об'яснять на основании общей теории, но самое об'яснение ни в коем случае не может считаться окончательным. Например в работе, которая велась Рейтынбаргом, покойным Левигуровичем и Нецким над утомляемостью пожарного [2], мы натолкнулись на то, что человек, не производящий почти никакой физической работы, тем не менее сильно утомляется в течение рабочего дня. Это утомление вызвано постоянным напряжением, постоянной готовностью к тревоге, неорганизованностью рабочего дня и т. д. Все это очевидно заставляет нас предположить, что есть какие-то новые элементы утомления, которые при чисто физическом учете утомления нами не принимаются во внимание. Мы знаем случаи, когда вследствие особого психического состояния человек способен на более интенсивную работу без заметного утомления. Но мы знаем и случаи чрезвычайно быстрого наступления утомления чисто психогенного свойства. Все эти явления

[1] И. Н. Шпильрейн, Анализ профессий как основа работы по определению профпригодности и исследованию утомления, „Гигиена труда" № 10, 1925.

[2] Г. И Левигурович. Г. О. Нецкий и Д. И. Рейтынбарг, Пожарные. Труд, утомление, заболеваемость, под ред. и с предисловием И. Н. Шпильрейна, Москва, изд. НКВД, 1928.

мы никак не можем свести на чисто физиологическую базу. Больше того, мы при всех исследованиях утомления, или почти при всех, наталкиваемся на нерегулярность, т. е. на то, что при одних и тех же методах у 90 рабочих получилось утомление, а у 10 не получилось. Что же, работа их не утомляет? В чем тут дело? Кое-что нащупывает в своей работе по исследованию утомления на фабрике Гознака В. С. Линтварев. Он попытался исследовать, что делает работница помимо производства, и здесь нашел некоторую возможность найти ряд причин этих нерегулярностей. Но это опять-таки только начало чего-то нового. Представляется, что мы сейчас уперлись в этих исследованиях утомления в тупик, который об'ясняется тем, что мы подходим к ним несколько механистически, только с орудиями физиологии и статистики, и что нужно было бы все-таки подойти к ним также учитывая социальную личность рабочего, его быт, его производственное становление и окружение. Представляется, что мы таким образом получим гораздо большие возможности овладеть материалом, но не сразу. Сначала нам, очевидно, придется тот уже очень большой материал, который у нас собран в отношении исследования утомления и упражнения, снова пересмотреть, разбивши его сначала на очень большое количество подгрупп для того, чтобы, разбивши потом по каким-то иным принципам, попытаться вновь сконструировать. Только тогда, представляется мне, удастся нам перескочить тот барьер, который поставлен британскими исследователями как «до сих пор очный», «покаместный», но через который мы до сих пор перейти не можем. Перейти через него, очевидно, можно будет только тогда, когда мы попробуем внести другую классификацию, учитывать другие моменты, считая, что психология — наука биосоциальная, а не только биологическая.

Мне представляется, что здесь уже намечен ряд вопросов, которые на ближайшее время становятся актуальными вопросами для психотехники. Действительно, если мы хотим серьезно подойти к человеку не как к машине, если мы хотим подойти к человеку не как к организму только, а хотим подойти к человеку как к живому рабочему в наших конкретных советских условиях реконструктивного периода, тогда мы должны подойти к нему, во-первых, пересмотревши наши методы установления, во-вторых, подумать о том, что построение нашей психотехнической работы должно быть построением, сделанным на основе диалектического материализма. Если нам пока, когда мы пытаемся овладеть данной группой фактов, не удается еще построить

систему психотехники, это конечно никого пугать не должно. Важно, что эта задача ставится сейчас перед нами совершенно императивно нашим нынешним периодом строительства — и она должна быть разрешена.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ И. Н. ШПИЛЬРЕЙНА

В. Д. Котляров. Первый вопрос, на котором следовало бы остановиться, следующий: т. Шпильрейн отметил, что у нас в смысле методологическом, исходя из марксистской установки, должна быть произведена некоторая реконструкция, если хотите, психологии вообще, и психотехники в частности. Основное—это то, что докладчик назвал новым, очень хорошим словом «кинограмма». Нас прежде всего должна интересовать динамика личности, а не просто известные фотографические моменты, которыми и характеризуется экспериментальная психология с того времени, как она появилась, до настоящего времени. С другой стороны, мне кажется, что с методологической стороны как в психотехнике, так, в частности, и в психологии, этот вопрос еще совершенно не разработан. Мы имеем конечно удачные попытки американских ученых, психологов и психотехников, в смысле учета навыков, главным образом в школе. Это до известной степени связывается с учетом динамики личности. А в нашей психологической, и в частности психотехнической, практике мы даже и этого не имеем.

Мы не подходим совершенно к вопросу учета навыков, и я не знаю, как т. Шпильрейн в данном случае мыслил себе эту кинограмму. В том, что мы сейчас имеем в психотехнике, во всей системе печатных аппаратурных тестов или же тестов какого-нибудь другого типа мы совершенно не имеем киноограммы; в этом мы должны откровенно сознаться.

В нашей практике мы всегда имеем только фотограмму, только определенный рисунок, или определенный диагноз, и на основании этого диагноза, полученного только за короткий промежуток тестового испытания, мы ставим определенный прогноз. Если это в плоскости общей психологии, то мы даем прогноз формирования личности. Если же это связано с вопросом просто пригодности, то прогноз формирования личности в данном случае дается с точки зрения профессиональной пригодности. Мы должны прямо сказать, что хотя мы как будто бы имеем в виду методологическую часть,

в смысле учета динамики личности, но фактически мы ее совершенно не схватываем.

Очевидно основная беда в том, что в нашей психотехнической практике мы подходим к этому вопросу исключительно только с такими ранними испытаниями, как испытания, скажем, ребенка, а потом имеем повторные испытания. Но даже эти повторные испытания не увязываются между собою для того, чтобы проследить процесс, динамику. Очевидно здесь нужно основное внимание направить на то, чтобы увязать практику психотехники с практикой школы. Я особенно заостряю внимание на профессиональной консультации, поскольку т. Шпильрейн подчеркнул, что мы не имеем основания говорить о профотборе, в силу специфической установки общих предпосылок нашего государственного строительства. Очевидно схватить основные моменты, социогенные, наиболее посильно школе. И здесь мы конечно должны дать определенный заказ не общей психологии, как говорил докладчик. У нас все же до известной степени установка с общей психологией не тождественна. Если товарищи психологи будут говорить о кинограмме человека как формирующейся личности, то психотехники должны будут говорить о кинограмме личности с точки зрения профессионально важных качеств.

И в этой части, когда мы подходим к кинограмме с точки зрения профессионально важных качеств ребенка или подростка, или даже взрослого человека, моменты социогенные, которые формируются непосредственно под влиянием среды, нам конечно только может дать школа. И мне кажется, что здесь все несчастье было в том, что психотехники до настоящего времени как в практике профотбора, так и в профессиональной консультации, были оторваны от школьной практики. Школа не знает, что они делает, и здесь мы должны дать социальный заказ. Это—основная мысль, которую я хотел отметить.

Теперь еще относительно одного момента. Нужно, товарищи, признать, что сейчас в связи с реконструктивным периодом и с теми моментами, которые наметил докладчик, мы становимся в психотехнической практике на совершенно новые пути. Нужно признаться, что до сих пор мы ничего нового не видим в нашей психотехнической практике: как шла психотехническая работа по разделам профотбора, профконсультации, изучению утомления, так очевидно она и будет итти еще в течение очень и очень долгого времени, если сами мы не предпримем никаких организационных мер. Если по учету именно социогенных моментов картина в известной степени намечается, то в части вообще учета

наиболее актуальных моментов, в части реконструкционной мы конечно должны подработать прежде всего нашу непосредственную увязку с производственными организациями. Об этом между прочим т. Шпильрейн ничего не сказал, а мне кажется, что психотехники должны увязаться непосредственно с производственными организациями.

С другой стороны, у нас, психотехников, должен быть какой-то общий метод работы. Мы знаем, что в настоящее время существует целая сеть, даже огромная сеть всяких психотехнических учреждений, будь то лаборатории профотбора или лаборатории профконсультации. Но можно с уверенностью сказать, что эти учреждения, об'единенные в определенном кругу между собой, в сущности совершенно замкнуты, и та форма нашей организационной увязки, которая представлена в Психотехническом обществе, должна быть, конечно, расширена. Этот вопрос безусловно назрел. Мы здесь должны не только в информационном порядке говорить о тех или иных наболевших вопросах, но, поскольку у нас уже существует довольно окрепшая организация в виде Психотехнического общества, мы должны здесь четко ставить и разрешать вопросы методологического порядка.

Вот две мысли, на которых я хотел остановиться.

П. А. Рудик. Товарищи! Очень трудно выступать по докладу т. Шпильрейна. Доклад такой обширный, в нем было затронуто такое большое количество материала и изложено так много и практических и общетеоретических точек зрения, что сразу охватить его весь не представляется возможным. Даже полученные нами обширные тезисы требуют по крайней мере два часа, чтобы проанализировать все затронутые в них вопросы. Поэтому я не могу в своем выступлении исчерпать все заслуживающие анализа положения доклада и принужден остановиться лишь на некоторых местах, наиболее привлекших мое внимание.

Прежде всего, по моему мнению, в данном докладе очень слабо оттенены те специфические условия, которые отличают положение индустриального труда в условиях нашего реконструктивного периода по сравнению с обычными условиями в буржуазных странах. Когда я пытался сравнить, чем, по мнению докладчика, труд в наших условиях отличается от труда в капиталистических условиях, то я нашел в докладе только два указания на те новые требования к труду, которые выдвигаются задачами реконструктивного периода: это, во-первых, повышение интенсивности труда и, во-вторых, улучшение условий производства. Я думаю, что эти признаки едва ли можно считать наиболее существен-

ными для характеристики трудовой деятельности в условиях реконструктивного периода. Если бы мы задали себе вопрос: чем, по мнению докладчика, трудовое поведение рабочего на строящемся Нижегородском автомобильном заводе будет отличаться от трудового поведения рабочего фордовских заводов или чем, например, поведение транспортника, который ведет поезд на железной дороге у нас, отличается от поведения транспортника в капиталистических условиях,—мы едва ли нашли бы в докладе какое-нибудь точное разграничение. Во всяком случае, мы не находим в докладе положений, которые показали бы нам, что в наших условиях мы должны давать совершенно иную характеристику и отыскивать совершенно иные методы для анализа труда по сравнению с теми методами, которые обычно применяются в капиталистических странах. Мы не находим в докладе ясного указания на то, какие изменения в характер трудовой деятельности вносит тот факт, что рабочий в СССР одновременно является и строителем социализма. Не учтено также и то революционное влияние на труд, которое оказывает социалистическое соревнование. Мне кажется, что когда нам предлагают доклад, стремящийся оценить задачи и цели психотехники в реконструктивный период, необходимо со всей ясностью и отчетливостью представить себе те качественные особенности, которыми труд в советских условиях отличается от труда на капиталистических фабриках. А те два признака, которые здесь были указаны (большая интенсивность труда и улучшение условий труда), совершенно не являются теми специфическими особенностями, которые наиболее характеризуют реконструктивный период. Тов. Шпильрейн очень много говорил нам о том, что в настоящее время требуется особое повышение интенсивности труда. Но я не думаю, чтобы так обстояло дело и чтобы та интенсивность, которой добиваемся мы, была бы выше той интенсивности, которая требуется от рабочего в капиталистических странах и которая, как общее для капитализма правило, приводит к раннему изнашиванию рабочего организма. Дело не в количестве, а в качественных особенностях, вносимых в труд задачами реконструктивного периода, а эти качественные особенности как раз и остались невыясненными в докладе.

Какая же самая общая и важная цель была поставлена докладчиком перед психотехникой в реконструктивный период? Эта цель выражена в формуле: «идеологическая и техническая подготовка кадров». Нужно согласиться с тем, что задачи психотехники именно в том и состоят, чтобы занять свое место в деле форми-

рования и подготовки новых кадров. Но едва ли можно характеризовать ее роль так обще, как это сделано в докладе. Если мы внимательно рассмотрим эту формулировку («идеологическая и техническая подготовка кадров»), то мы должны притти к выводу, что едва ли психотехника справится со столь широкой и ответственной задачей. Данную формулировку необходимо было бы изменить, углубить или сузить, чтобы точно поставить психотехнику на то место, которое она должна занимать в вопросах подготовки кадров. Но здесь все дело заключается в том, исходя из каких идеологических основ мы будем понимать значение психотехники. При одном понимании мы поставим перед ней одни задачи, при другом—задачи будут совершенно другие. И вот, подходя к вопросу о том понимании, которое дано докладчиком, мы наталкиваемся на прямую апологию Штерна.

Правда, т. Шпильрейн сегодня несколько смягчил свои положительные оценки Штерна. Он даже указал нам на три отрицательные пункта, которые имеют место в штерновской концепции. Сегодня докладчик отмежевался от штерновского понимания общества и социальной среды, от его концепции физического и психического, а также от его телеологических уклонов. Однако, если присмотреться ко всей остальной характеристике Штерна, которая определяла его учение как «евангелие всякого психотехника», то все это можно понять только как попытку все-таки протащить в наших условиях именно штерновскую психологию и именно штерновскую точку зрения на психотехнику. Можно приветствовать те отрицательные характеристики, которые здесь были даны отдельным положениям Штерна, но все же они являются незначительными по сравнению с теми положительными оценками, которых удостоилось учение Штерна в целом.

Докладчик много говорил о том, что мы должны многое взять у Штерна и использовать для психотехники в наших условиях. И вот у меня, когда я слышу эти призывы, возникает вопрос: как можно что-либо заимствовать у того учения, которое отличается, по уверению самого же докладчика, неправильным пониманием влияния среды на человека, у которого оценка психофизической проблемы не выдерживает никакой критики и которое носит в себе телеологические уклоны? Никакое механическое заимствование (а это и рекомендует нам докладчик, славословя Штерна как «евангелие») не может иметь места в таких условиях. Для того, чтобы что-либо заимствовать у Штерна, мы должны подвергнуть его учение, как в целом, так и в частях, строжайшей критике с точки зрения марксистской идеологии, а

это как раз и отсутствовало в докладе. Докладчик все же указал нам некоторые отрицательные стороны в учении Штерна. Можно сказать, что это шаг вперед по сравнению с его прежними выступлениями. Будем в дальнейшем ожидать полного отказа от штерновской концепции, как несовместимой с марксистской идеологией.

Очень много места в докладе было уделено общепсихологическим вопросам. Докладчик стремился дать «социальные заказы» психологии, причем он понимал их как требование производить исследования дифференциально-психологического порядка. Такая постановка вопроса производит несколько странное впечатление: сидит психотехник и ждет, когда психолог выполнит тот или иной заказ на социально-психологическое исследование. Так вообще ставить вопрос нельзя. Нельзя думать, что психотехник занимается только практической работой, а теоретическую должен сделать за него какой-то психолог. Мы поступим правильнее, если укажем, что психотехника сама должна ставить необходимые ей теоретические проблемы и сама строить свой теоретический фундамент. Вместо этого докладчик занялся критикой работы Психологического института, совершенно забывая, что он сам является его действительным членом и несет ответственность за его работу.

Тов. Шпильрейн ссылается на работы аспирантов Института, указывая, что они строятся без достаточного дифференциально-психологического подхода. Я указал бы здесь на то, что было уже подчеркнуто возгласом с места, а именно, что и работы, доложенные в Институте самим докладчиком, никогда не носили дифференциально-психологического характера. Можно было бы указать здесь на его доклад о причинах участившихся в последнее время перемен имен и фамилий, доклад, сделанный на основании анализа газетных об'явлений без учета возрастных, социальных, производственных, бытовых и пр. условий, в которых находились лица, менявшие фамилии. Не менее интересен также и другой его доклад, в котором т. Шпильрейн пытался обосновать трудность для счета некоторых чисел (не помню сейчас каких, не то тройки, не то семерки), причем эти числа оказывались вообще трудными для представителей всех наций, профессий и т. п. Как видите, работы самого докладчика трудно отделить от той характеристики, которая им дана Институту. Однако и сама эта характеристика является односторонней: мы будем создавать ложное впечатление о работе Института, утверждая, что он не производит дифференциально-психологических

исследований. Достаточно указать здесь на ту тему, которой в настоящее время занят Институт и которая посвящена вопросу о психологических особенностях личности московского пролетария. Она как раз поставлена в диференциально-психологическом разрезе (можно даже подчеркнуть, что эта тема прорабатывается в классовом разрезе), и нужно отметить, что не кто иной как т. Шпильрейн решительно возражал против постановки такой темы в нашем Институте.

В данном случае необходимо подчеркнуть, что вопрос о диференциально-психологических исследованиях не так просто стоит, как это хотел бы очертить докладчик. Прежде всего необходимо, чтобы сами психотехники в своей работе пользовались диференциально-психологическим анализом (и притом в его классовом понимании, а не в индивидуально-психологическом, что сплошь и рядом имеет место). Однако было бы неправильно, если бы мы определили задачу психологии только как производство одних диференциально-психологических исследований; ценность психологической работы заключается также и в том, что она отыскивает и общие закономерности. Вообще необходимо отметить, что перевод психологии на рельсы диференциально-психологических исследований необходим, и его следует произвести в большем масштабе, чем это делалось до сих пор, — однако одновременно с постановкой и общепсихологических исследований; разделять эти две вещи ни в коем случае нельзя.

Кроме «социальных заказов» психологии, докладчик видит задачу психотехники в предстоящем периоде также и в том, чтобы соответствующим образом обработать и соответствующим образом оценить тот богатый материал, который накопился в психотехнике за предыдущие годы. Не следует однако забывать, что хотя материал действительно и большой, но это еще не значит, что он во всех своих частях является ценным материалом, так как сплошь и рядом он собирался, исходя из ложных в идеологическом отношении предпосылок. Здесь указывалось уже докладчиком, что при оценке решения теста необходимо принимать во внимание фактор одаренности, с одной стороны, и фактор подготовки — с другой стороны. Хотя в самих тезисах у докладчика ясно и точно сказано, что способности нельзя рассматривать как врожденные, однако в данном контексте его речи прямо звучит выделение одаренности как биологической сущности от исследования значения подготовки как социальной сущности. Я думаю, что нетрудно будет убедить докладчика в том, что эти два фактора реально неотделимы, и что одаренность также

изменяется и под влиянием социальных причин, а не только под влиянием биологических факторов. Та концепция, которая нам была предложена докладчиком, а именно, что в основе лежат физико-химические процессы, за ними идут психические, далее — социологические и что каждая низшая структура определяет высшую, не может считаться совсем правильной именно по отношению к психотехническим функциям: в этом отношении высшая социальная структура оказывает непосредственное влияние на развитие факторов более низшего порядка, именно тех или других форм поведения. Поэтому при оценке факторов одаренности необходимо в достаточной степени полно принимать во внимание и участие социальных условий наряду с биологическими.

Ввиду истечения моего времени я лишен возможности остановиться на других моментах доклада. По моему мнению, из того, что было мною отмечено, можно сделать следующие общие выводы о задачах психотехники в реконструктивный период:

1) Прежде чем говорить о «социальных заказах» психологии, необходимо дать «социальный приказ» психотехнике: решительно и на деле отказаться от штерновских принципов построения психотехнической работы. Психотехника должна выковать новые идеологически выдержанные, исходящие из основ диалектического материализма принципы своей работы. Без этого ей нечего будет делать в реконструктивном периоде.

2) Необходимо по-новому поднять вопрос о проблеме одаренности, тщательным образом исследовать, в каком смысле факторы одаренности могут считаться неизменными и в чем выражается их зависимость от биологических и социальных условий. Только на основании этой углубленной и притом теоретической работы можно делать выводы о практическом применении психотехнических методов к решению задач реконструктивного периода.

3) Особо следует подчеркнуть третью задачу: психотехника должна найти свое место в проблеме обучения кадров. Не отбор или подбор рабочей силы, а разработка методов приспособления данного работника наиболее удобным образом к тем или иным условиям труда.

Если бы эти практические задачи можно было поставить на ближайшее время и притом в плановом порядке, то и этого было бы вполне достаточно для того, чтобы психотехника стала необходимым элементом реконструктивного периода.

М. Н. Белокопытова. Когда тов. Шпильрейн говорил относительно того, что особое положение нашей страны вызвало особые научные классовые задания, то с этим конечно нельзя было не согласиться. Когда мы говорим, что последовательное развитие общественной социальной жизни нашей страны постепенно вызывало уточнение этого задания, то с этим тоже нельзя не согласиться. Когда он говорил о том, что эти задания имеют совершенно своеобразный характер и в корне отличаются от тех же заданий, которые имеются в западноевропейской науке— это опять было правильно. Но когда он начал переходить от общих утверждений к конкретизации, то тут уже нельзя было с ним согласиться. Прежде всего, когда он говорил о том, что особое положение у нас заставило оттенить значимость социальных факторов, то здесь у него взаимоотношение социально-биологических факторов было обозначено далеко нечетко. И это было не случайной оговоркой, а содержалось во всей той характеристике, которую он давал Штерну и от которой он отгораживался во всех тех мероприятиях, которые он предполагал внутри психотехники. Во всех тех мероприятиях, которые он предполагал внутри психотехники, во всех тех взаимоотношениях, которые он намечал между психотехниками и психологами, чувствовалось, что эти взаимоотношения социального и биологического фактора внутри психологии и части ее—психотехники— у него далеко не конкретизированы. Если бы это было конкретизировано, тогда бы нельзя было ему делать социальный заказ от лица психотехников психологам. Ведь социальный заказ дает класс, а не одна наука другой. Ведь те социальные заказы, которые получаются от класса, распределяются по выполнению между различными научными дисциплинами. И если бы одна из этих научных дисциплин действительно находилась в положении ожидания выполнения заказа от другой, то у нас бы получилась не рационализация работы, а как раз полнейшее ее торможение, получился бы переход от диалектических на механистические рельсы.

Я не буду говорить о том, насколько суб'ективно представление психотехники как исключительно науки, базирующейся на социальных основах и психологии, как промежуточной между ними и биологией. Но мне все-таки приходится остановиться на тех порядках диференциального различения, которые докладчик правильно рассматривает как необходимые сейчас у нас, но необходимые конечно по всем категориям наших наук, необходимые как внутри психологии, так и внутри психотехники. Он был очень прав,

когда выдвинул ряд работ из института. Он мог выдвинуть еще ряд работ предшествующего периода и указать, что там не выявлено или недостаточно выявлено соотношение социального и биологического факторов и что эти работы в смысле дифференцирования классового порядка также не проведены или находятся только в зачаточной форме. Но если это является кардинальным заданием для психологии, как таковой, то таким же кардинальным оно является и для психотехники.

Мне думается, что поскольку докладчик указал на то, что наша научная дисциплина сейчас имеет свои специфические задания, он в то же самое время доказал и то, что она этих специфических заданий не выполняет.

Ф. А. Ковтунова. Я хочу остановиться на вопросе о так называемой марксистской дифференциальной психологии, который здесь развивал докладчик. Он заявил, что марксистская дифференциальная психология должна быть построена на основе дифференциальной психологии Штерна, или вернее, то здание, которое начал строить Штерн, мы должны достроить, чтобы получить марксистскую дифференциальную психологию. Правда, в некоторых моментах он здесь отмежевался от Штерна. Он говорил, что не признает толкования Штерна по вопросу о психофизической проблеме, не признает вопросов третьей субстанции, вопросов нейтрального и еще ряд вопросов. Но по существу он заявил, что «евангельем» дифференциальной психологии является дифференциальная психология Штерна. Я должна прибегнуть к еще одному маленькому документу, который не считаю нужным обойти. Не так давно т. Шпильрейн в литературе высказал свою точку зрения по вопросу об отношении к Штерну. Нужно сказать, что, во-первых, одна из основных проблем методики, а именно психофизическая проблема, оказалась не актуальной для психотехники, а во-вторых, он считает, что «наиболее удачной»— по его мнению—попыткой дать обоснование дифференциальной психологии является персонализм Вильяма Штерна.

С одной стороны, признается необходимость некоторого отмежевания от Штерна, с другой стороны, полностью признается, что единственная теоретическая концепция, которая может разрешить вопросы дифференциальной психологии,—это есть персонализм Вильяма Штерна. Это несоответствие может быть внешнее. Я хочу показать, что фактически эта так называемая марксистская дифференциальная психология остается штерновской психологией. В действительности же то здание, которое начал Штерн, нужно в основном изменить. Мы не можем достраивать ту дифе-

ренциальную психологию, которая в основе своей построена на чуждых нам идеологических позициях. Сейчас я сошлюсь на недавнее выступление т. Шпильрейна на докладе его об американском с'езде, где он говорит, что Штерн в последнее время еще больше подчеркивает, что нельзя только эмпирически заниматься собиранием отдельных опытов, что мы должны связать теорию и эксперимент и базироваться на теоретической концепции. А мы знаем, какова эта идеологическая позиция Штерна, на которой он базируется в области дифференциальной психологии. Перед нами такой вопрос: нам предлагают достраивать здание, которое построено на чуждой нам идеологии. Я считаю, что на это предложение едва ли кто пойдет. Для того, чтобы говорить о создании марксистской дифференциальной психологии, нужно в корне перестроить наши основные методологические позиции.

Теперь я скажу, что сделано в области психотехники, чтобы подойти к этому вопросу. Я скажу, что сегодняшние заявления т. Шпильрейна являются первой ласточкой в этой области. Я не знаю, как они будут претворяться в жизнь в нашей работе по психотехнике, но нужно сказать, что сегодняшнее заявление, то отмежевание, которое сделано сегодня докладчиком, ни в его докладах, ни в литературе ни разу не фигурировало. До сих пор он совершенно не ставил четко вопроса о том, в каких вопросах он отмежевывается от Штерна и где его можно использовать. Я думаю, что в сегодняшнем заключительном слове он должен совершенно четко сказать, что в основном он поддерживает Штерна или не поддерживает, или будет только говорить об отдельных моментах, об отдельных мелких деталях, которые он принимает или не принимает. Я скажу, что та методологическая линия, которую выявил т. Шпильрейн в своем последнем сборнике по профессиональному психотехническому подбору, показывает, что в области психотехники, в области перевода на новые рельсы по линии методики, еще абсолютно ничего не сделано. И самый доклад меня немного не удовлетворяет в том отношении, что докладчик очень много времени уделил тому, чтобы говорить о формах работы психотехники, и очень мало времени уделил содержанию работы психотехники. Ведь нельзя же говорить о формах работы, которые он развивал, без основного стержневого вопроса о методологическом содержании психотехники.

Н. Ф. Курманов. Меня, товарищи, сегодняшнее выступление т. Шпильрейна очень порадовало. Мне кажется, что он, хотя и поздно, но все-таки заговорил так, как нужно было бы говорить

много раньше. Если бы товарищ Шпильрейн так примерно говорил лет пять тому назад, то теперь бы он вероятно был очень далек от того, где находится в настоящее время. К сожалению, этого не было. Но, к счастью, он так заговорил сегодня. Он говорил о том, что, прежде чем говорить о марксистской психологии, о марксистских принципах исследования, нужно было, чтобы накопились факты и чтобы психотехники занимались этим накоплением фактов. И теперь накопилось столько фактов, что мы можем подумать о переходе количества в качество.

Интересно посмотреть, что же накопилось и какие задачи он ставит в связи с этими накоплениями. Посмотрите бегло в тезисах, и оказывается, что он начинает анализировать вопрос, в каком положении находится одаренность в свете тех фактов исследования, которое мы произвели, в каком отношении находится подготовка навыков, тренировка человека, как выделить то и другое, как отделить одно от другого, чтобы характеризовать личность более или менее четко, взяв факты, которые определяют его поведение. И оказывается, что перед нами здесь задача. Прекрасно, одаренность. Подходить к навыкам, к подготовке—мы тоже не можем. Опять перед нами задача. Утомление. Здесь говорят и то и это, один говорит так, другой говорит наоборот, никак не решить. Опять проблема, которую нужно будет как-нибудь решить.

Намечаются подходы, но интересно, как они намечаются. У т. Л. есть такое, от чего можно танцовать по правильному пути. Можно, но мы натолкнулись на очень простую штуку, что десять человек раскусили особые условия четырех-пяти человек и думают, что вот перед вами целые перспективы. Таких перспектив открывает каждый много. Всегда есть парадоксальный факт, и он может подумать, что парадоксальный факт об'ясняется тем-то и тем-то,—опять перед вами проблема и т. д.

Проблема способностей, связанных с одаренностью: два суб'екта, из которых один с навыками, другой без навыков, испытываются тестами. Один с навыками—бездарный—прекрасно решает тест, а другой не решает. Что из этого собственно получается? Говорят, что это ошибка. Почему? Потому что если бы мы пробовали в практической работе испробовать эту бездарность, которая может быть в течение нескольких дней обогнала даровитого человека, то опять у вас проблема, и вы ничего не можете сказать.

Затем наконец заговорили об идеологическом лице, о классовой физиономии человека,—это очень хорошо. Ставится заново

очень большая проблема. Вы делаете вывод: вот теперь мы можем говорить о марксистской психологии. Почему? Какие факты привели вас к марксистской психологии? Полное бессилие тех проблем, которые вы щупали эмпирическим методом. Вот какой вывод. Вы говорили о Психологическом институте, который ничего не сделал для вас. И вы привели экспериментальную работу, которую нельзя считать серьезной работой. Товарищ Шпильрейн приводит ее как образец институтской работы и говорит, что это является типичным для институтской работы.

Так вот вы все-таки в конце концов после длительных попыток и различных исследований приходите к чему? Вы приходите к невозможности подойти чисто эмпирическим путем к разрешению тех проблем, с которыми вы сталкиваетесь.

Теперь вы ставите вопрос ребром, что нужно начинать исследовать все вопросы, с точки зрения диалектического метода, с точки зрения марксизма, как вы выражаетесь. Итак—психотехника стоит перед задачей перехода к усвоению диалектики. К этому она подведена теми тупиками, в которых оказалась, когда исследователи шли эмпирическим путем к разрешению той или иной проблемы. Но так как это движение было слишком медленным и всегда приводило в тупик, то выходить товарищам было некуда, и вы оказались в положении попугая:—«Ну что же, ехать—так ехать», говорите вы, когда вас кошка взяла да потащила за хвост из клетки.

Теперь товарищи начинают по существу высказываться о тех методологических вопросах, которые должны иметь существенное значение для выработки всей линии исследовательской работы в области психотехники. И вот интересно, что т. Шпильрейн представил нам целое девственное поле неразработанных вопросов по этому поводу. Об этом я скажу несколько позже, а теперь коснусь только того момента, который у т. Шпильрейна является очень важным и особо ценным. Мы в нем между прочим за последнее время особенно ценим то, что он очень чуток к тем проблемам, которые выдвигает жизнь. Это непосредственная деятельность, которую мы характеризуем социалистическими темпами работы, это те задачи, которые стоят в практической работе и которые нужно как-то разрешить не только эмпирически в практике простой черновой работы, но еще с помощью некоторого научного вмешательства. Вот это обостренное чутье у т. Шпильрейна очень хорошо. И в этом отношении он здесь совершенно правильно подходит к вопросу, что нужно наконец нашей науке заняться вопросом о том, как разместить живые силы, ко-

торыми располагает наша страна, вокруг той организуемой техники производственного процесса, которая у нас теперь особенно резко развертывается. Нужно как-то этот вопрос поставить. Они убедились в том, что нельзя простым эмпирическим методом разрешить проблему. Начинают говорить о методологически более глубоком теоретическом подходе, указывают на то, что мы имеем такие громадные задачи, которые должны решаться с нашей помощью.

Мы встречаемся с такими фактами, когда люди, очень подчас идеологически близкие к нашей действительности, в то же время неожиданно выступают чуть ли не вредителями. Отсюда возникает вопрос об идеологической и технической подготовке. Товарищи, это очень хорошая проблема, но как мы ее должны решить? Психотехническим методом по-моему мы ее как раз и не можем решить.

Наши психотехники между прочим много импортировали различных психотехнических теорий и достижений с Запада к нам, а вот то, что буржуазия особенно остро учитывает, это идеологические особенности у работников, они никак не могли до сего времени импортировать и стихийно натолкнулись на то, что нам нужно при профессиональном подборе интересоваться не только тем, как быстро двигаются руки или в какой степени острый слух или зрение, а прежде всего нужно поинтересоваться что из себя работник представляет идеологически. Буржуазия без всяких особых теорий идеологически чуждых людей вычищает целыми тысячами, когда ей это нужно. Это уже особая форма психотехнического подбора. У нас тоже приходится на практике применять такой принцип,—выводить людей с известной установкой, с известной идеологической оформленностью из производственного строя. А до сего времени вы ни одного слова не могли сказать, как отличать, что рабочий носит в себе дьявольские, вредительские потенции, как те, которые мы имели в шахтинском деле, и т. д. Это крайняя форма выражения вредительства. Но есть менее резко выраженные формы такой же идеологии вредительства, основанного на особой идеологии. Возьмите просто факты рвачества, хулиганства, несерьезного подхода к производству и т. д. Имеет это отношение к идеологической характеристике личности? Безусловно. Вы видите, что рядом как будто такой же человек, но идеологическое оформление его представляет полнейшую противоположность. До сих пор ничего не сказано об этой очень важной установке. Нам нужно прежде всего взять ее на учет, как основную проблему

для психотехники, и вслед за ней уже исследовать, как двигаются мускулы, каково зрение, слух, и тогда составлять профессиограмму, как вы выражаетесь.

Теперь—о дифференциальной психологии, о том, что нам нужно взять от Штерна, создателя этой дисциплины, что взять из того, что он нам дает, пусть с некоторыми оговорками, кое-что отбросив из его теории. Мне хочется здесь высказать общие соображения. Мы помним хорошо, что говорил нам Ленин на III с'езде комсомола. Он сказал, что мы не можем двигаться вперед, если не усвоим то, что создала буржуазная наука. Но усвоить это надо критически. Мы помним это хорошо и усваиваем достижения буржуазной науки. Но, товарищи, по-моему здесь есть известный предел усвоения буржуазных ценностей. Мы должны—это моя личная точка зрения, но я думаю, что многие со мной согласятся,—мы должны усваивать все достижения прошлого до тех пор, пока, во-первых, мы не встанем крепко на собственные методологические рельсы и, во-вторых, не освоимся с известным наличием ценных фактов. После этого, использовав эти данные, мы можем двигаться, уже не прощупывая бесконечные горы материала, которые дает нам буржуазная наука. Я думаю едва ли мы были бы хорошими марксистами, если бы забыли, что на данном этапе роста науки нам нужно самим двигаться и вести вперед и меньше интересоваться теми жемчужными зернами, которые у буржуазной науки оказываются в громадных навозных кучах. Мы были бы просто похожи на петухов, если бы искали эти зерна, которые трудно найти, в то время как легче решить проблему заново, чем отыскать ее решение в громадных массах различных буржуазных построений и философствований. Нам говорят, что дифференциальная психология как раз только и может вытекать из Штерна. Простите, т. Шпильрейн, я знакомился с вашими взглядами насчет дифференциальной психологии. Все ваши основные соображения и все, что есть у вас ценного, я легко нахожу, совершенно непосредственно руководствуясь простым, но величайшим методом, которым нас вооружает марксизм. Все, что есть ценного в этой дифференциальной психологии, исключительно легко всплывает, как только вы подходите непосредственно к об'екту исследования. А схематика, которую вы предлагаете взять от Штерна, нам здесь не поможет. Это чисто формальная, чисто структурная психология. Она все равно не может покрыть тех реальных дифференциальных различий, которые существуют в об'екте. Мы неизбежно для того, чтобы создать дифференциальную психоло-

гию, должны итти не от Штерна, а от методологических позиций, теоретико-познавательных позиций марксизма. Штерна же мы можем использовать как материал, причем овладеть им мы можем не через посредство штерновского понимания дифференциальной психологии, а овладеть дифференциальными соображениями Штерна с помощью диалектического метода. Таким образом мы очистим Штерна от всех ненужных частностей. Может быть придется очистить процентов 90. Тогда собственно перед нами выкристаллизуется совсем не штерновская дифференциальная психология, а дифференциальная психология, продиктованная специфическим подходом-методом диалектического материализма. Марксистская психология по моему естественно идет по этому пути, и вы напрасно обвиняете Психологический институт в том, что он ничего для вас в этом отношении не делает. Я думаю, что вы немного формально подошли к вопросу. Работу нашего Психологического института, который в общей форме стоит на точке зрения марксистской позиции, нельзя понимать формально: эти работы вышли из Института, значит они марксистские, тем более что авторы этих работ называют их марксистскими. Чепуха! У нас в Институте ведется такая борьба между отдельными работниками, борьба за дифференциально-диалектическое понимание об'екта, что, чорт знает, иногда в одном лице видишь и диалектика, и старого метафизика. Там выкристаллизовывается новая школа: в буквальном смысле идет конкретное рождение дифференциального изучения поведения человека.

По поводу общей психологии я не согласен с т. Рудиком,—видите, и это борьба,—когда он говорит, что нельзя игнорировать общих психологических закономерностей. Это, с одной стороны, правильно, но мы общих психологических проблем ставить не можем. Всякая общая закономерность может быть понята и проанализирована во всей своей действительной сущности только в ее конкретной дифференциальной постановке, в конкретных условиях. Общие закономерности должны выступать в общей психологической сложности, должны выступать как следствие дифференциальной проработки об'екта, дифференциальной проработки понятия. Я думаю, что наш Институт теперь подошел вплотную к решению этих проблем. В ближайшее время можно будет ознакомиться с планом, который вырабатывается Институтом и в котором мы вплотную подошли к решению вопросов теоретической проработки поставленных конкретно проблем. Тот материал, который вы желаете получить, вы получите. Вы даете заказ, чтобы мы дали теоретический багаж, чтобы не путаться

в тупиках, о которых вы говорили. Мы думаем, что вправе дать другой заказ. Вы должны бросить беллетристическую психотехнику и пойти вместе с нами и проанализировать поведение тех суб'ектов, которых вы хотите поставить потом во все производственные и общественные машины нашей жизни. Для этого пойдемте вместе с нами, и мы попутно будем решать психотехнические проблемы. Вы нам дадите богатый материал для исследования форм поведения во всем об'еме поведения, не только с точки зрения тех форм, которые имеются, и вместе с тем мы проанализируем причины, социальные причины, биологические причины, которые лежат в основе конкретного образования данных форм поведения.

С. Г. Геллерштейн. Мне хочется, товарищи, подойти к докладу т. Шпильрейна не с точки зрения того места, которое занимает этот доклад в старом его споре с психологами, иначе говоря—не с узко фракционной точки зрения, с которой, к сожалению, многие товарищи подходили к этому докладу, а с точки зрения того места, которое занимает этот доклад в строящейся системе марксистской психотехники. Нас должно интересовать значение, которое приобретает этот доклад на сегодняшний день в смысле правильной постановки проблемы и правильного намечения тех путей, по которым надлежит развиваться нашей психотехнике. С этой точки зрения я заранее говорю, что я расцениваю этот доклад не как такой, который нам дает уже законченную систему принципов диалектически фундированной психотехники. Об этом я говорил тогда, когда т. Шпильрейн ставил свой доклад в нашей лаборатории, этого мнения я держусь и сейчас, и всякий, кто слышал доклад, может вынести такое мнение, что эти проблемы только намечаются, но еще не разрешены. Поэтому рассматривать доклад как некоторую законченную систему идей, способную лечь в основу построения психотехники с совершенно новой, законченной теорией, никак не следует. К этому докладу, если позволите так выразиться, следует подойти тоже диалектически. Надо выяснить, какое место занимает доклад в общей линии нашей психотехники за тот период, который составляет ее историю, скажем, за период максимум в 8—9 лет.

Мне кажется, что если так подойти к докладу, то мы его должны оценивать как явление очень прогрессивное. Я не буду сейчас говорить о том, как высказывал раньше т. Шпильрейн свою точку зрения, как он высказывает ее теперь, какую эволюцию он сам пережил, есть ли эволюция, чем она об'ясняется—это меня не интересует. Всех нас интересует судьба психотех-

ники, и все мы должны быть меньше всего заинтересованы в том, чтобы копаться в личных мотивах, побудивших тов. Шпильрейна ставить вопрос о принципах психотехники именно сегодня, а не вчера или завтра—во всей его остроте.

И позвольте сейчас перед вами поставить вопрос, чем в сущности говоря вызвано то, что те общие суждения, которые складывались у большинства работников психотехники, сейчас нуждаются в пересмотре и переоценке. Сейчас психотехника переживает кризис, сейчас психотехника зашла в тупик. С этого и начинает докладчик. Я думаю, что этот кризис об'ясняется многими причинами, но одна из этих причин заключается в том, что психотехника на нынешний момент уже не может удовлетвориться тем коэфициентом практической эффективности своей работы, который она сейчас дает; именно в этом суть дела. Дело не в том, как полагает т. Курманов, что мы от теории подходим сейчас к психотехнике, а в том, что мы, анализируя наши собственные практические результаты и оценивая их эффективность, чувствуем, что не все так уже ладно как в постановке проблемы, так и в нашей концепции структуры человеческой личности. В нашей методологической работе мы не достигаем тех результатов, которых нам бы хотелось. Я думаю, что если подойти к докладу с этой точки зрения, то надо считать, что он нисколько не отметает той работы, которую мы вели до сих пор, и он не диктует нам: «Прекращайте работу». Было бы неверно и глубоко ошибочно, если бы мы сделали такой вывод: психотехники зашли в тупик, они мало думали о теории, и вот какие получились результаты; теперь психотехники образумились и говорят психологам-теоретикам: «Идите к нам, давайте вместе работать». Это глубоко ошибочный подход. Хотите вы или не хотите—мы работу будем продолжать, потому что она имеет некоторый коэфициент успешности. И профотбор есть работа полезная. Но когда мы анализируем ее, то она не совсем удовлетворяет нас ни с теоретической, ни с практической стороны.

И вот сегодняшний доклад надо рассматривать как попытку наметить для психотехники новые рельсы, попытку показать, в какой области надо работать и как нужно подойти к постановке основных вопросов и к методике их исследования, и к интерпретации результатов. С этой точки зрения я усматриваю в докладе целый ряд положительных моментов.

Что важно в постановке проблемы? Важно то, что докладчик, исходя из анализа конкретного материала, находит, что мы не можем удовлетвориться одним только диагностицированием

состояния психотехнических функций, которые имеются в том или другом коллективе. Мы не можем этой задачей ограничиться в свете тех новых факторов и тех новых требований, которые нам пред'являет действительность. И т. Курманов прав, говоря, что этот доклад является реакцией на изменившуюся ситуацию нашей хозяйственной действительности.

Почему в этом докладе выпячена так проблема кадров? Ведь это не случайно: конечно, было бы неуместно поднять эту проблему пять лет тому назад, а уместно поднять ее именно сейчас. К этому нас вынуждает наша теперешняя обстановка. Мы до сих пор занимались экзогенными и эндогенными факторами, а сейчас наша задача заключается не только в том, чтобы оценивать, кем человек является по своим потенциям, но и всемерно способствовать росту и развитию этих потенций. Это—задача педагогическая. В докладе отмечено—и я это отмечаю как близость докладчика к реальной действительности,—что психотехнику сегодняшнего и завтрашнего дня надо переводить от профотбора к профобучению, к реальной подготовке кадров идеологическими, техническими и другими средствами. Этот момент самой постановки проблемы намечен совершенно правильно.

Дальше, коснусь той концепции, которую нам предлагает т. Шпильрейн. Здесь многие говорили о В. Штерне. Вопрос о Штерне ставится в плоскости чисто фракционной, и некоторые товарищи извлекали даже документы в доказательство того, что т. Шпильрейн говорил раньше и что он говорит теперь. Но дело в том, что его основная мысль правильна: современная психотехника больше всего нуждается в разработке проблемы диференциальной психологии. Неправильно говорить теперь, кто именно должен заниматься этим — психологи или психотехники. Ведь психологи тоже определенная группа людей, которые какое-то место занимают и должны его оправдать. И правильно говорит докладчик, что если вы хотите отозваться на реальные запросы сегодняшнего дня, то знайте, что реальная действительность требует от нас таких исследований, которые относятся к области прикладной психологии и диференциальной психологии. Надо реально разобрать, что ценного у Штерна. Вы говорите о том, что Штерн—метафизик. Это все равно, что говорить о том, что мы живем на Востоке, а Штерн на Западе. Это — азбучная истина, и всякий, кто читает работы Штерна, видит, что говорить о том, что Штерн действительно воплощает в своей концепции начатки борьбы с материализмом и марксизмом, не приходится. Но тем

не менее Штерн для нас полезен со стороны большой пропаганды, которую он проводит за выдвижение дифференциально-психологических проблем,—это первое, а во-вторых,—со стороны расстановки и классификации этих проблем: проблемы вариативности, проблемы корреляции, проблема конвергенции. Это то, что мы можем извлечь у Штерна, наполнивши совершенно новым содержанием. И только в этом смысле я понимаю симпатии докладчика к Штерну. Я помню на с'езде в Париже в 1927 г. Штерн излагал свою позицию. Первым выступил т. Шпильрейн и вступил в спор по поводу психофизической проблемы, проблемы «нейтрального». У нас внутри лаборатории очень часто обсуждались теоретические взгляды Штерна, и мы никогда не усматривали такого положения, когда бы т. Шпильрейн или кто-нибудь из нас присоединялся целиком к этим взглядам и рассматривал их как некое евангелие. Это совершенно определенно. Надо понимать вещи по существу, а не по форме. И я думаю, что та концепция, которую предлагает докладчик, правильна. К сожалению он больше говорил о том, что надо делать, и мало говорил о том, как надо делать. Я надеюсь, что в будущем за этим докладом последует дальнейшее разрешение отдельных вопросов, и он скажет нам и как надо делать, и что надо делать. Он подчеркнул, что нам пора решительно перейти от статического исследования личности к динамическому. Это совершенно бесспорная вещь. Разве важно, кто говорил и когда говорил, и повторял ли он чьи-нибудь слова. Мне кажется, нам важно учесть,—в этом источник всех узких мест в наших трактовках психики,—влияние целого ряда факторов на трудовое поведение человека, таких факторов, которые до сих пор были вне поля нашего зрения, в частности социальных факторов. Я не согласен с т. Курмановым. Наивно думать, что мы можем определять современными психотехническими методами идеологические «потенции» человека—выйдет ли из него шахтинец или представитель марксистской психологии. (К у р м а н о в: «В Америке делают».). И очень плохо. И если бы мы пошли по линии заимствования, мы бы сделали плохую вещь. Современная психотехника сильна не теми методами, которые исследуют идеологические «свойства». Тут нужны другие методы. И если бы учраспред ЦК ввел у себя психологический кабинет, которому поручил бы работу по выявлению идеологической физиономии того или другого работника,—у некоторых там такие мысли носятся,—он бы совершил ошибку. Есть лучшие методы для этого—социальный подход к личности, и не надо тут пока психотехники. Используйте

ее там, где она полезна, но не навязывайте ей тех задач, которых она выполнить не может.

Дальше коснусь методов исследования в психотехнике. В частности наш современный тест, в чем его недостатки? Он имеет тот недостаток, который подчеркнул докладчик: он берет изолированные функции или совокупность функций, он дает показатели, которые якобы характеризуют потенциальные возможности человека. Правильно это? Нет, неправильно, и на это указывает целый ряд немецких авторов. В чем же дело? Дело в том, чтобы перейти от симптомологического исследования к такому, которое приблизило бы нас к поведению, к механизму поведения. Тут мы вправе пред'являть заказ психологам. Почему они не отзываются на наиболее больные вопросы? Сейчас не будем говорить о функциональном разделении труда, давайте вместе работать над этой проблемой. Вот это подчеркнул в своем докладе т. Шпильрейн. А если это так, то мне кажется, что в различного рода постановке проблем, с которыми надо подходить к человеческой личности, ее структуре в трудовом поведении, главным образом в постановке методологических линий, мне кажется в основном докладчик наметил совершенно правильный путь. В этом я усматриваю основное достоинство его доклада.

Поэтому мне кажется, что правильным выводом из этого доклада было бы принять доклад за основу, и наметить на основе этого доклада, конкретный план работы по линии психотехники. Психологам надо дружно работать с психотехниками, а старые фракционные счеты сводить где-нибудь в другом месте. (С м е с т а: «Правильно».).

И. Д. Сапир. Нет никакого сомнения, что сказанное т. Шпильрейном является огромным шагом вперед по сравнению с тем, что говорили наши советские психотехники до сегодняшнего дня. Это нужно констатировать со всей определенностью. Нужно сказать, что т. Шпильрейн совершенно правильно в основном наметил генеральные линии психотехники на ближайший период с точки зрения задач социалистического строительства. Современный этап социалистического строительства ставит с особой остротой проблему кадров. Психотехника в разрешении этой проблемы должна сделать очень много.

Второе правильное положение центрального порядка, которое выдвинул т. Шпильрейн, заключается в том, что отныне всякая работа по психотехнике должна быть поставлена под контроль методологии — методологии диалектического материализма. Постольку, поскольку эти два момента до сих пор не выпячивались,

не ставились с такой остротой, нужно всемерно приветствовать такого рода тезисы доклада т. Шпильрейна.

Мне однако кажется, что совсем не грех рядом с признанием этих в высшей степени положительных моментов в докладе т. Шпильрейна поставить еще вопрос и об об'ективных гарантиях выполнения намеченного им плана. Мы находимся не в безвоздушном пространстве, этот план будут проводить живые люди в определенных учреждениях, и мне кажется, что вопрос о гарантиях конечно нельзя снимать из боязни, что при этом могут возникнуть какие бы то ни было фракционные разногласия, о которых только что говорил т. Геллерштейн. Этих гарантий мы должны ждать по двум линиям. Во-первых, недостаточно сказать: психотехника должна разрабатываться с точки зрения диалектического материализма. Нужно указать, по каким конкретным путям, по каким решающим звеньям должна пойти эта разработка. Многое, бесспорно, сказано в тезисах докладчика, но некоторые пункты, мне кажется, не отмечены. С другой стороны, когда вопрос идет о гарантиях, нам совсем не чужд и такой вопрос: какова суб'ективная решимость теперешних работников психотехники к проведению установленных ими принципов? Мне кажется, что, если говорить о применении диалектического материализма в психотехнике, в первую очередь нужно решительно отмежеваться от того индуктивизма, чистого индуктивизма, который царил в психотехнике до сих пор. Мы вправе основываться не только на сегодняшних тезисах, но и на том, что делала психотехника до сих пор. Я думаю, что многие слышали о том, что в первой главе известного руководства по психотехнике содержится заявление такого рода, что для психотехники, поскольку она в настоящее время находится в стадии накопления эмпирических фактов, совершенно безразлично, как будет разрешена проблема о соотношениях психических и физических явлений. Я не представляю себе ни одного этапа в развитии какой-либо науки, даже если бы она находилась в первоначальной стадии своего развития, когда все же не нужно было бы ставить вопроса о применении методологии; этот вопрос приобретает особенное значение, когда речь идет о работе в нашей стране, когда рядом с психотехникой развиваются науки, которые с помощью диалектического материализма дают блестящие результаты. Этот эмпиризм ведет и к целому ряду методологических непорядков.

Возьмем такой пример: как наши психотехники определяют предрасположение, которое очень важно с точки зрения пси-

хологической работы? Вы найдете такое уклончивое определение: некоторые структурные особенности, в результате которых возникают стойкие различия в рабочих актах. Вы понимаете, насколько это определение методологически далеко от правильного марксистского определения. (С м е с т а: «А как вы определяете предрасположение?»). Я отвечу в конце. Правильное марксистское определение должно исходить из сущности предмета и поставить какую-то динамику предмета.

В том же определении, которое я вам привел в качестве примера, вы видите некоторые математические условные отправные точки зрения, но не больше. И в самом деле, тот эмпиризм, тот индуктивизм, о котором я только что говорил, с другой стороны является тем, что я бы назвал математическим функционализмом. Математическим функционализмом можно было бы назвать такое направление, которое подходит к своему об'екту, не имея в виду вскрытия сущности об'екта, внутреннего механизма, этого об'екта.

Во многих течениях современной физики сейчас очень распространена точка зрения, которая берет предмет с поверхности, устанавливая лишь математические функциональные связи, и не ставит перед собою задачи причинного анализа, установления глубокой закономерности, лежащие в основе данного явления. Я думаю, что здесь не нужно приводить доказательств того, что именно на данной стадии развития находится современная психотехника. Сам товарищ Геллерштейн выступал и признал, и не мог не признать,—что до сих пор психотехнике была чужда попытка найти внутреннюю динамику, подлинный механизм тех функций, которые внешне абстрактно исследуются тестом; в первую очередь нужно обратить внимание на качественный анализ, который должен предшествовать всем вычислениям количественного анализа, вычислению ранга, нахождению коррелятивных чисел и т. д.

Я хочу эту свою часть заключить таким образом: если психотехника рассчитывает на будущее,—а она вправе рассчитывать на большое будущее,—она в первую очередь должна отгородиться от того индуктивизма и математического функционизма, которые господствовали в ней до настоящего времени.

Здесь она должна выдвинуть некоторую положительную методологическую проблему, до некоторой степени уже известную. Большинство указаний уже сделано т. Шпильрейном,—например, когда он говорит о том, что при тестовых испытаниях нужно применять социально-классовый анализ. Это есть указание на

положительное направление, по которому будет двигаться психотехника. Но этого недостаточно. Я считаю, что, если современная психотехника хочет развиваться, она должна поставить во всей широте проблему целостной личности, другими словами—проблему социально-классового содержания этой личности. Эта проблема должна была бы являться центральным пунктом сегодняшнего выступления докладчика, а не чем-то таким, чему должно быть посвящено какое-то подстрочное замечание или придаточное предложение; это должно было стоять в тезисах.

Грех психотехники еще в том, что она скользит по периферии человека. Если взять работу предыдущих психотехников, то в большинстве случаев исследуются интеллектуальные функции: в психотехнике изучают интеллектуализм, память, внимание и т. д. Глубина личности не затрагивается. Ведь совершенно ясно, что ни одна из функций не может сколько-нибудь плодотворно быть исследованной, если перед этим не поставлен вопрос о том, в каком контакте исследуются эти функции, какой личности они принадлежат. Это первая проблема целостной личности и отдельных частей функций.

Вторая проблема—форма и содержание. Основной грех, которым заражены самые лучшие представители иностранной буржуазной психологии, заключается в психологическом формализме. Говорят о движущих пружинах личности, говорят о структуре личности, говорят об инстинктах, но боятся вскрыть содержание этих движущих пружин. И неудивительно, что этого боятся: западноевропейский психолог не может себе позволить роскоши вскрыть подлинную физиономию личности, потому что он встретился бы с очень неприятным для себя выводом.

Если вспомнить, что содержание человека, те конкретные мысли, которые он переживает, та конкретная направленность, с которой он работает,—что они определяют, и очень во многом, механизм психологический в форме мышления, в форме желаний и т. д., то станет совершенно ясным, что основной тупик, в который зашла современная психология, заключается в игнорировании содержания личности, тупик этот является имманентным буржуазной психологии, ибо во всей широте она этой проблемы поставить не может. Но то, чего не может сделать западноевропейская психология, то должна сделать наша психология и наша психотехника—поставить вопрос о влиянии содержания на форму, о взаимодействии этих моментов в проблеме личности во всю широту. Вот как я себе мыслю следующий этап, конкре-

тизируя вопрос о том, как нужно понимать диалектический материализм в области психотехники.

Еще несколько вопросов. Мне кажется, что, если бы т. Шпильрейн с полной решительностью шел на видоизменение психотехники,—а такое желание он как будто бы действительно проявляет, — он не должен был бы заострять своей полемики с Психологическим институтом, а именно потому, что можно с полным правом сказать что в постановке проблемы о социально-классовом содержании личности приоритет бесспорно, хотя и не на очень большой срок, но все же принадлежит этому Институту. Достаточно сослаться на ту большую работу, которая с конца прошлого года,—а ее зародыши имелись и раньше,—ведется по постановке на заводе «Каучук» чрезвычайно важной проблемы— проблемы изучения московского пролетариата как социально-классового типа, чтобы понять, что это именно так. Правильно указывали товарищи, что разработка этого вопроса шла в боях с т. Шпильрейном.

Надо указать еще на один момент, — в каком соотношении должны быть психотехника и психология. Этот вопрос поставлен в тезисах недостаточно ясно. Вопрос ставится так, что психотехника со стороны дает социальный заказ психологии. Вы хотите представить психотехнику в качестве чисто прикладной науки, а задачи чисто теоретические отдать общей психологии. Конечно, это неправильная постановка вопроса. Общая психология будет развиваться только тогда, когда она будет связана тесно с психотехникой. А психотехника будет хорошо развиваться только в том случае, если все большие психологические проблемы поставить со всей остротой. Я не хочу смазать различия между этими двумя науками, но хочу подчеркнуть опасность полного противопоставления этих двух наук.

И наконец одна из важнейших гарантий — это вести борьбу со всеми теми идеологическими течениями, которые до сих пор мешали и дальше грозят мешать развитию психотехники.

По-моему, если здесь многие товарищи выдвигали вопрос о Штерне, то это они делали с полным правом. Вопрос вовсе не в том, что психотехников упрекают за то, что они идут за неполностью материалистическим профессором, и критика Штерна вовсе не идет по той линии, что Штерн является невеждой, что книги, которые им написаны будто бы не имеют никакой ценности для психологии. Ничего подобного. Мы также готовы признать свои ошибки, и если Институт экспериментальной психологии до сих пор мало уделял внимания правильной поста-

новке методики диференциальной психологии, то мы можем сказать, что это было нашим недостатком. Когда мы критикуем Штерна, мы его критикуем именно потому, что наши психотехники до сих пор брали основные категории Штерна. Они часто оправдываются тем, что они пользуются терминологией Штерна. На самом деле они пользуются рабочими понятиями Штерна. Если наши психотехники дают такое определение личности: «Личность есть нечто самоутверждающееся, саморасширяющееся», спрашивается: можно ли работать на такой методологической основе? Больше того: даже самая ссылка на то, что речь идет только о терминологии, так же несущественна, потому что и самая терминология приводит к неправильным построениям. Назовите мне такого буржуазного ученого экономиста, который бы с легким сердцем пользовался терминологией Маркса: прибавочная стоимость, трудовая стоимость и всякие другие категории. Они этим не пользуются и не пользуются именно потому, что такого рода пользование уже ставит особые задачи исследования, враждебные тем буржуазным экономистам. Мы также должны избегать пользоваться терминологией Штерна, его рабочими понятиями, чтобы не дать себя завести в тупик, чтобы правильно видеть перспективы нашего дальнейшего исследования, правильно видеть задачи, которые перед этим исследованием стоят.

Еще один момент. Я вначале говорил о том, что главный упрек, который нам приходится бросать даже лучшим из западноевропейских психологов, это тот упрек, что они импотентны в деле развития содержания личности, что они чистые формалисты в психологии. То же самое имеется у Штерна. Если даже на минуту условно признать, что с формальной стороны его теория личности, механизма этой личности является более совершенной, чем теория других буржуазных психологов, то я считаю, что наша психотехника стоит в некотором отношении ниже самого Штерна. Она взяла у Штерна худшее, а лучшее оставила в стороне. У Штерна самым хорошим является то, что он первый поднял вопрос о том, что психотехника ограничивается периферией личности, а должна взять ядро личности. И то, что психотехника эту установку у Штерна на поиски ядра личности не взяла, в этом ее минус, в этом она отстала от Штерна. Она берет от Штерна как раз худшие стороны: неправильную терминологию, неправильные рабочие категории, телеологическую иной раз постановку вопроса и т. д. и т. д.

Наконец в заключение мне просто хотелось сделать замечание по поводу основной установки тезисов. Мне кажется, что

они грешат чрезмерным индустриализмом. Так работала до сих пор психотехника. Это вполне оправдано применительно к фабрике, заводу, городу. Но мне кажется, что, поскольку речь идет о намечении генеральной линии в психотехнике, поскольку речь идет об основных задачах этой психотехники на достаточно продолжительный период,— нужно вспомнить, что наше социалистическое строительство идет не только по линии индустриализации, не только по линии развертывания тяжелой промышленности в городах, но и по линии социалистической переделки деревни, по линии организации совхозов, колхозов, машинно-тракторных станций и т. д. Здесь есть также большое поле работы для психотехников—опять-таки в смысле постановки той же проблемы — воспитания новых кадров. Я думаю, что если бы психотехники и попытались составить профессиограмму работников деревни в новых условиях, то даже, несмотря на то, что этот работник будет работать при условии машинной техники и тем самым будет сходство между особенностями его профессиограммы и профессиограммы работников в городе, тем не менее будет иметься и коренное отличие ввиду специфических условий работы. Этого чрезмерного не то что индустриализма, а я бы сказал — урбанизма, надо избежать в психотехнике.

Конечно психотехника переживает кризис, и не только у нас, но и во всем мире. И выход из этого кризиса,— а кризис переживает не только психотехника, но и ряд других наук, и в частности биология,— выход будет найден тем же путем, каким его предстоит найти и другим дисциплинам, т. е. по линии диалектического материализма. Следует только сказать, что в этом отношении не нужно бояться самокритики. Я думаю, что в том разделении развития психотехники на периоды, которые в самом начале дал т. Шпильрейн, имеются некоторые моменты отказа от этой самокритики. Первый и второй период как будто были вовсе неблагоприятными для развития психотехники. Оказывается, что благоприятным является только третий период, и поэтому психотехника начинает развиваться. Во-первых, первый и второй периоды давали некоторые предпосылки, а, во-вторых, в третьем периоде мы немного запаздываем. Но я думаю, что, если мы станем на путь самокритики, признания некоторых ошибок, вы — по линии социально-психологических недочетов, мы — по линии дифференциальной психологии,—мы договоримся, примиримся и будем работать по линии социалистического строительства.

М. Л. Рудаков. Разрешите мне подойти к докладу т. Шпильрейна не с точки зрения психотехника и психолога, а с точки

зрения хозяйственника, с точки зрения тех задач, которые мы бы хотели пред'явить психотехникам и которые стоят перед нами в организации производства. Товарищи, в докладе т. Шпильрейна, мне думается, делается некоторый шаг, который приближает психотехнику к тем задачам, которые практически перед нами давно стоят в организации хозяйства. До сих пор мы не находили отклика ни у психотехника, ни у психолога, и область их работы настолько была отгорожена от нас, что, в сущности говоря, мы от нее не получили никаких результатов.

Какие перед нами стоят задачи в связи с выдвижением вопроса не только об индустриализации, но и о реконструкции технической базы? Здесь можно выдвинуть не только задачу подбора, но и задачу, если можно так выразиться, подбора раздражителей. Мы реконструируем сейчас среду, которую формировал старый буржуазный характер нашего рабочего и старый характер той классовой среды, в которой мы жили. Нам нужно не только изжить вредителей, но и переработать свою старую, негодную установку.

Не только среда влияет на характер и поведение человека, но мы в свою очередь, влияя на среду, ее разрушаем и ее реорганизуем. Нам нужно создать такую среду, такую обстановку, которая бы создавала такое производственное поведение, которое бы лучшим образом соответствовало разрешению наших хозяйственных задач.

Однако из того, что я сегодня слышал от ряда выступавших здесь ораторов, а также из той литературы, которая, хотя и исходит от Психологического института и называется марксистской, нельзя найти ответа на наш вопрос. Там говорится о диалектике и о марксизме, но там боевого, революционного марксизма нет. Я бы очень хотел заручиться верой в то, что вы сейчас более быстрым темпом в психологии и психотехнике будете поспевать за нашим строительством и что вы нам дадите то, чем мы сможем руководствоваться в работе. Нам нужно сделать вам заказ на реконструкцию производственного поведения в той или иной профессии. И в плановом порядке как бы вы ни отвиливали, а к такому-то году вы нам должны дать такого-то типа рабочего, к такому-то году вы нам должны дать тип такого-то производственного рабочего.

Здесь выступал целый ряд товарищей и говорил о том, можно ли тем путем, которым вы шли до сих пор, найти какую-нибудь смычку между кабинетной работой и той реконструктивной практикой, которая развернулась не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве.

Шпильрейн в своих тезисах ставит вопрос, который заслуживает огромного внимания, он открывает пути, делает шаг вперед. Позвольте, товарищи, мне вам привести несколько примеров из нашей практической реконструктивной работы. Если сейчас реконструкция хозяйства у нас идет таким высоким темпом, то мы должно прямо сказать, понимая марксистское учение о поведении, о способностях человека, что она определяется степенью овладения производительными силами, степенью овладения технической базой. Если вы овладеете наибольшим количеством машин, наибольшим количеством сил, то этим самым вы соответствующим образом развиваете ваши способности. Посмотрим, что у нас сейчас. Если мы ряд лет реконструируем хозяйство, изменяя машинно - техническую базу, которая создавала душу человека (в сущности говоря, сложное поведение современного человека создала машина), если эту машину и всю техническую базу мы сейчас перекраиваем, то как психотехники и психологи отзываются на эти изменения в своих экспериментах над психологией человека? Если мы перекраиваем техническую базу, если мы переделываем ее раздражитель, есть ли у нас изменения или нет? Я в литературе не нахожу ничего, где бы этот вопрос был освещен. В самом деле, у нас большая реконструкция хозяйства. Как она влияет, положим, на рабочих и крестьянство? Мы наблюдаем наиболее резкие изменения, чрезвычайно интересные именно в крестьянстве, потому что там проделывается огромный диалектический скачок, скачок, которого мы не заметим на фабрике, потому что к фабрике в городах мы привыкли, и тут нас не удивишь.

Возьмите процесс коллективизации там, где имеются машинно-тракторные станции. К этим машинно-тракторным станциям, как к буксиру, подтягиваются крестьянские хозяйства, ожидая, что когда они подтянутся к этому буксиру, то тогда у них будет коллектив. Попробуйте сказать, что возможен колхоз без машинно-тракторных станций, и вам скажут, что это невозможно. Здесь машина так повлияла на мужика, что она его вытряхнула из прежнего состояния и у него создалось впечатление, что нельзя организовать колхоза без машинно-тракторной станции. Что же оказывается? Оказывается, что достаточно поехать в другой район, за пределы влияния этого трактора, чтобы видеть, как мужики организуют колхозы без машинно-тракторных станций. Там мужики организуют колхоз без всяких машинно-тракторных станций только потому, что у них есть известная уверенность в том, что как раз наоборот, через организацию колхоза они смогут получить трактор. Затем возьмите, как влияет этот трактор на

поведение парня, который шел за сохой, а теперь получил машину. Он преображается совершенно. Перед ним открывается совершенно другая перспектива, когда он едет на тракторе по полю в несколько десятков километров; а раньше перед ним была межа, которая стушевывала все.

Возьмите семейные отношения в деревне. Вы не встретите того, что раньше можно было встретить, когда девица, женщина стеснялись вольных браков. Теперь к этим бракам устанавливается простое отношение, никаких условностей нет. За краткостью времени я не могу привести других примеров того, какие имеются в населении огромные психологические сдвиги, совершенно еще не изученные. Я бы считал, что для того, чтобы психотехникам и психологам вылезть из их кабинетной клетки, им надо учесть этот огромный процесс психологических сдвигов, которые произошли в различных слоях населения, учесть именно, как повлияла машина и техника, и в свою очередь учесть, как мы можем повлиять на эту технику и правильно делать подбор людей.

Г. И. Нецкий. Во всех выступлениях представителей Психотехнического института по докладу т. Шпильрейна и в том выступлении представителя техники, которое имело место передомной, сквозит, во-первых, совершенно определенное непонимание очень азбучной истины, что психотехника является наукой практической, которая росла не из теории, а в силу совершенно об'ективных и специфических советских условий, росла именно из практики. Неверно, что кризис в психотехнике заключается в том, как говорит т. Курманов и другие, что психотехника в своих эмпирических исследованиях, диктуемых практической необходимостью, практическими запросами со стороны производства и индустриализации СССР, зашла в тупик, который не дает ей возможности, на основании полученного ею материала, притти к совершенно определенным теоретическим обобщениям. Неверно также, что психотехника не оправдала тех практических запросов, которые предъявлялись ей со стороны производства, о чем говорил т. Рудаков. В настоящее время по самым приблизительным подсчетам, приведенным в докладе т. Шпильрейна на I Всесоюзной конференции психотехников,—эта цифра, вероятно, сейчас уже является большей,— число лиц, подвергнутых психотехническим испытаниям, достигает не менее 100 тысяч человек; при этом результаты этих испытаний имели чисто практический характер, и благодаря им были сохранены десятки, сотни тысяч рублей.

Тот кризис, который переживает психотехника в настоящее время, нельзя рассматривать как кризис только психотехники. Он в равной мере распространяется и на психологию, и в первую очередь на ту школу марксистской психологии, которую у нас представляет Психологический институт, который является лидером советской психологии. Этот кризис вкратце заключается в следующем: в силу совершенно определенных и об'ективных, совершенно новых и необычайных в историческом процессе условий советской действительности, мы имеем кризис психологии, так же как целого ряда других наук, тесно связанных с перегруппировкой, переформированием идеологических форм жизни общества. Я употребляю одну метафору, которая может показаться несколько громкой, но которая по существу является совершенно правильной. Совершенно подобно тому, как от военного коммунизма и нэпа мы в настоящее время перешли к социалистической реконструкции советского хозяйства, совершенно подобно этому психология, в лице Психологического института, должна перейти от слов к делу. Прогрессивная роль Психологического института в прошлом и настоящем заключается в том, что Психологический институт сформулировал то слово, которое послужило идеологическому и организационному разоружению школы проф. Челпанова. В настоящее время от психологии требуют дела. И прежде всего от психологии требует дела психотехника, т. е. та ее органическая часть, которая непосредственно связана с хозяйственной жизнью и в советских условиях непосредственно растет и определяется этой хозяйственной жизнью страны. Психотехника как наука сугубо практическая, в силу своего развития, должна была итти, так же как и медицина в прошлом,— чисто эмпирическим путем: хотя теоретические положения относительно причины и характера тех или иных заболеваний были неясны, все-таки врачи лечили людей; так же поступала и психотехника. Она начала с дел, с совершенно конкретных дел, и в этом отношении достигла несомненно больших успехов, заняла определенное место и определила свое положение не только в лаборатории, в кабинетной работе, как говорит т. Рудаков, но и в государственном масштабе. И свидетельством этого является недавнее постановление Совнаркома об организации профессионального подбора. Теперь психотехника приступает к своему «слову».

И вот необходимо, чтобы стремление психологии перейти от слов к делу и стремление психотехники, накопившей большое

количество материала, требующего перегруппировки,— перейти от дела к слову, чтобы эти стремления были достаточно выражены с обеих сторон (по крайней мере со стороны психотехники это стремление выражается сегодняшним докладом) и привели к определенному синтезу.

Мне бы хотелось, чтобы сегодняшнее заседание послужило достаточным стимулом к тому, чтобы этот общий язык между советской психологией (говоря конкретно, она представлена в лице Психологического института) и между советской психотехникой (опять-таки говоря конкретно, она представлена в лице Психотехнического общества),— чтобы этот общий язык был найден и чтобы он послужил созданию действительно марксистской психотехнической теории.

А. И. Колодная. Я бы хотела остановиться на том, что в докладе было как бы некоторое игнорирование биологического фактора в психотехнической работе. Между тем само положение психотехники как науки, находящейся на грани биологических и социальных наук, обязывает ее изучать все те факторы, которые обусловливают трудовое поведение человека. Я разумею под целостным исследованием глубокое, всестороннее изучение личности, всей ее психофизиологической организации в целом, которое должно являться основным принципом психотехнической работы. Сюда относится как учет и анализ социально-бытовых условий, среды, окружающей личность, так и наследственного фактора, состояния здоровья и т. д. Связь между особенностями одаренности и особенностями физической организации, между особенностями конституции и психической структурой, значение неврологического исследования при определении профессиональной пригодности — все это сейчас настолько уже установлено, что даже излишне на этом останавливаться.

Учитываем ли мы часто эти моменты в психотехнической работе? К сожалению нет. Тов. Шпильрейн, останавливаясь на тестовых исследованиях, указывал на то, что вот, мол, «человек сидит и решает тест и часто не решает его, потому что он не знает, что такое параллелограмм». Это правильно, но это только одно из условий, которые нами не учитываются.

Разрешите привести из практики другой пример. При сопоставлении данных психотехнических испытаний, полученных при исследовании пяти тысяч подростков, с данными исследования окулиста в нашей лаборатории мы нашли, что у всех подростков, у которых окулистом были отмечены некоторые отклонения в бинокулярном зрении (при различной остроте зрения правого

и левого глаза), отмечено понижение данных в тех тестах, которыми исследовалась техническая одаренность. Сюда относятся тесты на глазомер, пространственные представления, техническую наблюдательность и целый ряд аналогичных тестов. Учет момента, подобно указанному, имеет особое значение при массовых исследованиях.

Когда мы судим о профпригодности только на основании исследования тех или иных способностей, не имея предварительно ни медицинского паспорта, ни каких-либо других данных, мы поступаем неправильно, ибо, поставив испытуемого в другие условия, мы бы могли получить другие данные для заключения о его профпригодности.

Другой момент, который меня несколько удивил в докладе т. Шпильрейна,— это некоторый перегиб в сторону отказа от теоретической работы. Как будто бы до сих пор мы всегда привыкли слышать от т. Шпильрейна другое. Он был всегда за неразрывную связь между практической и теоретической работой. Теперь, давая как бы социальный заказ психологам, он низводит работу психотехников к чисто практической работе. Не получается ли здесь то же самое, что мы видим в Германии, где психотехникой занимаются инженеры и делают эту работу по рецептам, которые им дают психологи. Повторяю, этот момент меня сегодня в докладе очень удивил, и я бы хотела услышать от т. Шпильрейна, правильно ли мы в этой части поняли его.

Я думаю, что сейчас, когда психотехника собирается об'единить и обобщить все огромное количество накопленных за много лет фактов, ей нужно, подводя базу под свою работу, учесть два момента: с одной стороны, необходимость самой создавать теорию, не давая заказов другим, а с другой стороны, не отрывать свою работу от биологии.

И. М. Бурдянский. Современный период реконструкции дает социальный заказ психологии и психотехнике; эти науки должны дать ответ на вопрос о том, что они могут сделать для периода реконструкции. Очевидно, что и психологи и психотехники, здесь выступавшие, неправы. Психологи слишком много требуют от психотехников. Тов. Шпильрейн был готов оградиться от теоретических проблем, взвалив их только на психологов. Не только психологи, но и психотехники должны отвечать на теоретические вопросы.

Что касается психотехники, то она, кроме того, должна внимательнее прислушаться к данному ей социальному заказу, ибо

в ней чувствуется некоторое кризисное состояние. Те психотехники, которые работают по-серьезному, глубоко, утверждают, что психотехника переживает кризис. Правда, есть такие психотехники, которые конструируют любую лабораторию любыми аппаратами и считают, что выполняют задания Наркомтруда и Наркомздрава, производя, как бог на душу положит, профессиональный отбор. Но не об этих лицах идет речь.

Что касается серьезных психотехников, то все они считают, что психотехника переживает некоторое кризисное состояние. Вот почему весьма своевременно, чтобы не сказать запоздало, поставить психотехникам и психологам вопрос о том, как они выполнили тот социальный заказ, который современный период реконструкции перед ними выдвинул.

Я думаю, что общую установку мы получили от т. Шпильрейна совершенно правильную. Правда, он допустил две неточности—одну, когда он говорил об интенсивности труда. Можно было бы подумать, что у нас интенсивность труда больше, чем в капиталистическом хозяйстве. Вторая неточность была такая: он поставил вопрос о том, что мы через Тейлора и Форда пришли к Марксу. Но ведь и тогда, когда мы Тейлора испытывали, мы указания Маркса все время имели в виду, и когда мы Форда испытывали, мы тоже Маркса имели в виду.

Но в общем и целом мы имеем у Шпильрейна правильную оценку вопросов рационализации в современный период реконструкции.

И совершенно неправ т. Рудик, когда он говорит, что Шпильрейн не показал отличия труда при капитализме и социализме. Можно было подумать, что т. Рудик скажет что-нибудь новое сверх того, что сказал Шпильрейн. Но он ничего нового не дал и пропустил, что у Шпильрейна на третьей странице тезисов написано ясно и четко, что современная машинная техника выдвинула вопрос о машине своеобразного порядка и, в силу этого, вызвала особое внимание к человеку. И далее у Шпильрейна сказано на второй странице о том, что современный работник—пролетарий-трудящийся и пролетарий-носитель государственной власти и организатор производства. Тут сказано достаточно ясно, и лучше бы т. Рудик не говорил, что Шпильрейн плохо сказал о реконструкции, а он, Рудик, дает лучшее определение.

Теперь об установках психотехники. Мне кажется, что мы в основном имеем у докладчика правильную установку. Замечу, что мы вообще не выпускаем докладчика от подсекции техники,

если в основном с ним не согласны. Но это не значит, что мы согласны во всех деталях.

Основной задачей психотехники, по Шпильрейну, является идеологическая и техническая подготовка кадров. Я бы сказал— не только подготовка кадров, но и организация их поведения. Правда, слово «подготовка» можно понять в том смысле, что имеется в виду и подготовка в действии, но было бы выгоднее иметь более развернутую формулировку, именно — «подготовка и организация этих кадров».

Теперь вопрос о том, каким образом это делать. Мне кажется, что совершенно правильно т. Шпильрейн выдвигает вопрос относительно необходимости применения диференциальных методов марксистской психологии в этом вопросе.

По вопросу о Штерне сегодняшний доклад т. Шпильрейна несомненно является шагом вперед именно потому, что в его книге, которая здесь упоминалась, он говорил о Штерне. Там в примечании он говорил, что он не совсем согласен со Штерном, но несомненно, что сегодня выступление т. Шпильрейна достаточно выяснило этот вопрос. Я полагаю что мы сегодня вообще получили достаточный ответ об отношении т. Шпильрейна к Штерну. Тов. Ковтунова ставит вопрос так, будто Шпильрейн сказал, что мы должны достроить здание Штерна. Я же так понял Шпильрейна, что у Штерна много путанного, но что Шпильрейн у него берет его указания относительно диференциального метода, относительно вариативности, относительно некоторых классификаций. Я не понял так, что он собирается достраивать здание Штерна, которое он сам сегодня разрушил. Ведь Штерн в своей концепции отказывается от понимания классового общества. Как же можно достраивать после этого Штерна? Я не так понял т. Шпильрейна. Я думаю, что в заключительном слове он скажет, как он говорил, и тем отметет замечания т. Ковтуновой, которая полагает, что т. Шпильрейн хочет достраивать гнилое здание Штерна.

Встает вопрос о том, можно ли использовать мысли Штерна. Тут вспомним наше отношение к Тейлору. Ленин дал о Тейлоре замечательную формулу: «Система Тейлора,—говорил Ленин,—как и всякий прогресс капитализма, соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплоатации и ряд богатейших научных завоеваний». Это диалектическая формула. Мы используем у Тейлора то, что в нем ценно, что нам нужно. Ленин говорил далее о том, что надо изучать Тейлора и приспособлять его методы к нашим условиям. Очевидно, что надо и изучать Штер-

на и преподавать его, но умея показать все извращения, в которых он расходится с положениями диалектического и исторического материализма.

Перейдем теперь к вопросам относительно отдельных моментов доклада. Тут т. Шпильрейн говорил относительно тестов и сказал, что у нас много было извращений. Все-таки стоило бы сказать об этих извращениях. Я остановлюсь, например, на Харьковском институте труда, который, учитывая вопрос о том. как различные категории—классовые и социальные—реагируют на те или иные тесты, был очень близок к тому, чтобы поставить вопрос о выдвижении способных детей интеллигенции, оставив в стороне вопросы классов. И в конце концов, когда харьковцам, грубо говоря, наступили на хвост, некоторые из них заявляли о том, что они предполагали выдвижение в рамках классовых. Раньше же они говорили вообще о выдвижении, потому что харьковские тесты показывали, что дети интеллигентов более способны, чем дети рабочих, и получилось у товарищей из Харькова,—они не договорили, но читалось между строк,—что только дети интеллигентов годны для выполнения функции организатора. Такой был вывод из тестов. Об этом стоило сказать. Этого не сказал т. Шпильрейн, и я считал поэтому нужным на этом остановиться.

Теперь вопрос об идеологическом подборе. Тов. Курманов в своем горячем выступлении пред'являет к психотехнике излишние требования. Он бы хотел, чтобы психотехника могла разоблачать шахтинцев. Позвольте считать, что аппарат нашего государства диктатуры пролетариата имеет другие механизмы, при помощи которых легче обнаруживать шахтинцев, чем психотехникой, тем более, что мы знаем, что шахтинцы всегда готовы голосовать и за индустриализацию, и за социализм и т. д.

Вредители, как выяснилось,—я имею в виду, например, вредителей из НКПС,—голосовали ведь против шахтинцев по вскрытии этого дела. По всем вашим тестам, т. Курманов, они, как народ опытный, такие результаты дадут, что вы зачислите их по первой категории в классово-выдержанные. Я думаю поэтому, что надо пред'являть к каждой науке требования на то, что она может дать, и очевидно того, что т. Курманов хочет получить от психотехники, не стоит от нее ждать. Нужно тому же т. Курманову, если он болеет вместе с нами насчет шахтинства, взывать больше к самокритике и всеми другими аналогичными методами бороться с шахтинцами.

Еще несколько замечаний. Мне кажется, что, говоря относительно проблемы обучения, выдвигая вопросы профподбора, докладчик зря обошел проблему профориентации: особенно важно всегда начинать с детского возраста следить за поведением ребят, и вопрос профориентации таким образом выдвигать. Почему-то этот вопрос выпал.

Дальше т. Шпильрейн говорил главным образом почти исключительно о рационализации труда. Так у него получилось. Я полагаю, что он таким образом сузил рамки задач психотехники в период реконструкции. Почему обойдены вопросы рационализации управления, вопросы о психотехническом воздействии в деле управления? Мы имеем весьма много возможностей по линии воздействия, но мы не имеем нужной помощи в этом деле от психотехники. Дальше т. Шпильрейн сказал, что психотехника касается больше пропаганды, а агитация нам не нужна, агитация на заднем плане. Я не знаю, почему она на заднем плане; я бы сказал: и пропаганда и агитация. Когда мы вовлекаем в социалистическое строительство новые кадры крестьян, тут с одной пропагандой не подойдешь, нужна и агитация, и поэтому психотехника должна сказать свое слово и в области пропаганды и в области агитации.

Два слова о партийной работе. Тов. Геллерштейн полагает, что не стоит психотехнике соваться в партийную работу. Но я с этим не согласен. Я думаю, что в период реконструкции, когда приобретает особое значение четкость в работе и партийного аппарата, будет не плохо, если психотехника подойдет и к этому вопросу.

Я кончаю. Какие оргвыводы можно сделать из доклада т. Шпильрейна?

Первое: очевидно нужно усилить темп работы по методологии психотехники. Мы впервые сегодня поставили методологические вопросы психотехники так широко, и наше Психотехническое общество должно будет ставить еще ряд таких докладов по развитию этих положений, ибо темп их разработок был до сих пор слишком недостаточен.

Второе — о тематике, о порядке работы всех учреждений и институтов, которые занимаются психотехникой и выдвигают соответствующие темы. Нужно, чтобы это делалось в плановом порядке и ставились те темы, которые нам нужны сегодня для реконструкции хозяйства. Недавно было совещание научных институтов при Госплане, и тт. из Госплана СССР совершенно правильно ставят именно так вопрос. Они хотят, чтобы наши

научные учреждения по труду разрабатывали темы и вопросы, которые могли бы давать в ряде случаев ведущие указания другим участникам нашей работы по линии реконструкции нашего хозяйства.

И последний момент — чисто организационный. Надо психотехникам развить работу по подготовке собственных кадров, ибо это у нас чрезвычайно узкое место уже на сие число, уже на сегодня. Мы не можем дать психотехников туда, где их требуют, на различные конкретные пустующие штатные должности. Их в десятки раз меньше, чем то требуется в период реконструкции. Психотехники в подготовке кадров отстали: они имеют одно только отделение в Московском II гос. университете, где выпускают психотехников по столовой ложке в год.

Проблема темпов должна быть воспринята и здесь, и работа должна быть быстро развернута как по всем линиям психотехнической тематики, так и по линии организационных вопросов.

Я. М. Шатуновский. Тов. Бурдянский, как об'ективный председатель, должен был бы выступить последним. После него уже довольно трудно выступать, в особенности с теми простыми соображениями, которые я считаю необходимым высказать и которые почему-то никем не были достаточно остро и четко высказаны.

Тов. Шпильрейн не случайно начал свой доклад с той борьбы, которую вела группа из 17 коммунистов, с одной стороны, с тейлористом Гастевым, который считал охрану труда чем-то вроде общества покровительства животным, и с другой стороны— с Ерманским, который кисло-сладко выступал в защиту рабочего класса против тейлоризма. Эта борьба в свое время была совершенно уместна и была в общем победоносна. Она привела к определенным, всем вам известным результатам—к сегодняшней нашей всеми признанной установке. Кончилась ли эта борьба? Нет. Еще недавно, несколько дней тому назад, я слушал академика[1] Коммунистической академии проф. Ерманского, который выступил с заявлением, что хронометраж есть нечто вредное, потому что он ведет к нормированию, а нормирование порабощает рабочий класс и усиливает его эксплоатацию, а нам нужно его защищать. Борьба еще не кончена. Она ведется: трудная, утомительная, нудная и многолетняя.

Тов. Бурдянский привел сейчас слова Ленина о тейлоризме, показав, что мы в этой борьбе стояли на правильной точке

[1] Постановлением пленума Комакадемии от июня 1930 г. О. А. Ерманский исключен из состава Комакадемии. *Ред.*

зрения: взять у Тейлора то, что является освобождением рабочего класса от лишних движений, от лишней работы, использовать тейлоризм в наших условиях.

И точно так же мы подходим ко всему; так мы сейчас подходим и к Форду, который будет строить у нас Нижегородский завод, а мы будем его слушаться в очень многом. И вот сейчас эти старые, нужные вопросы возникают опять по отношению к Штерну. Он чужой, у него не та идеология, и опять получается повторение того же. Но нужно было, товарищи, все-таки за эти годы чему-нибудь научиться и не повторять того, что мы в свое время говорили, не мы, а другие—и по отношению к Тейлору и по отношению к Форду.

Я бы хотел, чтобы наши институты, в том числе и Психологический, больше занимались практическими потребностями нашей индустриализации, чем вот этими нудными, ненужными спорами и создаванием ученых степеней, дающих определенные права на такое занятие. Из этих практических вопросов я, за поздним временем, хочу подчеркнуть только два момента, которые должны были бы быть резче выражены в докладе т. Шпильрейна, с которым я солидаризируюсь в полной мере. К сожалению, я не могу его в достаточной мере поддержать, потому что в свое время мы, 17 коммунистов, выступившие со своей платформой, были мало диференцированы, а сейчас даже психотехника диференцирована, и в этих теперешних спорах Шпильрейн почти выступает одиноко.

Эти два момента я бы хотел подчеркнуть с особенной резкостью. Один момент заключается в том, что наша психотехника, если она хочет угнаться за сегодняшним темпом и сегодняшними задачами, должна гораздо резче повернуть к машине, чем она поворачивала до сих пор. Шоффер, который сидит на автомобиле в 12 сил, и шоффер, который сидит на машине в 60 сил, разные сущности. Это давно известно. И в современном паровозе машинист, который везет поезд в километр и который может переговариваться с концом его только по телефону или совсем не переговариваться,—это не тот машинист, который везет поезд в 12 вагонов. И вот этот момент требует изучения его не только на самом производстве, но в условиях разрастающегося производства, это программа всеми нами принятая, но еще пока мало примененная, и ее надо усилить. До сих пор психотехник—это главным образом врач или, в лучшем случае, психолог, но не инженер, и работает он в лаборатории не всегда производственной. НКПСовская лаборатория—она все еще нар-

комздравская, и с этим надо покончить. Вам пора перейти на завод с учетом его роста. Это—один момент.

Другой момент, который я хочу подчеркнуть,—это использование психотехники не только для профподбора,—сейчас главная задача—это профобучение, так как выбирать не из кого. В профобучении целый ряд очень влиятельных органов идет по пути упрощения этой задачи. Сейчас нам нужны рабочие гораздо менее квалифицированные,—у конвейера работа гораздо более простая, чем она была раньше. И вот в этом смысле идет процесс подготовки кадров по принципу ослабления того, чем должен быть обученный рабочий в смысле квалификации; но наш рабочий отличается от западноевропейского рабочего тем, что он на производственном совещании решает судьбу своего предприятия. Наше обучение рабочего не должно итти по пути только обучения его нескольким каким-нибудь процессам или движениям, а мы должны его ввести во все производство, и с этой точки зрения нужно направлять профессиональное обучение. И я бы думал, что если психотехники сейчас горячо ударят по этому упрощению подготовки кадров рабочих, которая производится некоторыми нашими органами, и в том числе ЦИТом, и поставят задачу подготовки так, чтобы пролетариат, который создает сейчас нашу страну и нашу индустриализацию, охватывал все наше производство, то это будет величайшей услугой, какую психотехники могут сейчас в деле профобучения оказать стране.

Две задачи: во-первых, приближение к машине и изучение рабочего вместе с растущей машиной и, во-вторых, приближение к профобучению и охват этой проблемы вместе с растущими задачами нашего рабочего, который стоит во главе строительства, должны быть для психотехника основными, и мне кажется, что т. Шпильрейн на них остановился недостаточно.

Тов. Коган. Товарищи, у нас здесь сейчас по-моему вечер самокритики психотехники. Некоторые по-своему поняли смысл этого заседания и решили, что если мы сами говорим о том, что у нас многое неладно, то это значит, что у нас в действительности все негодно к осуществлению, практически и теоретически не фундировано. Я думаю, что в данном случае нам нужно подойти к самокритике так, как мы подходим на всяком промышленном предприятии. Мы ставим свой доклад, общий теоретический доклад относительно тенденций к росту, относительно освещения тех недостатков, которые у нас были, только для того, чтобы наметить те линии, по которым могло бы четко

итти развитие, и уточнить наши собственные взгляды на те моменты конкретной методики, которые нуждаются в некоторой коррекции.

К сожалению наши товарищи-психологи заняли неправильную позицию в отношении этого самокритического доклада. Если мы посмотрим на положение психотехники в иностранных органах печати, то мы прежде всего натолкнемся на то, что по мере роста практических требований со стороны экономических условий к психологии происходит все большее и большее слияние психотехники с психологией, и если вы хотите, то прежде всего персонально. Все больших и больших мастеров, если так можно выразиться, психологии мы находим в рядах психотехники. У нас в этом отношении со времен Челпанова ничего не изменилось. Все так же психологи замыкаются в рамки кабинета и совершенно не уделяют места чисто конкретным исследованиям. Жалко, что т. Сапир ушел, а то мы бы его спросили, как он в процессе своего невропатологического исследования выполняет все эти требования причинного анализа целостности личности, которые здесь так легко можно прокламировать в теоретической форме. Мне кажется, что, имея в виду ту конкретную личность, для которой необходимо в данном случае лечение, т. Сапир пользуется тем, чем он может пользоваться в настоящее время. У него сейчас нет непосредственных об'яснений для причинного анализа всех явлений, с которыми он в данном случае имеет дело, и он пользуется своим опытом, эмпирическим, индуктивным опытом, который так ставится в вину психотехнике, и делает свою большую, практически полезную работу.

Я думаю, что если бы мы, по примеру психологов, сейчас занимались вопросом, чем являются пять человек, работающих вместе: коллектив это или не коллектив? а если четыре человека—коллектив это или не коллектив? и т. д.,—мы совершили бы большую практическую ошибку.

Я думаю, что т. Шпильрейн здесь слишком быстро переходил от проблемы к проблеме. В действительности, товарищи, многое в том, что мы сейчас делаем в области профподбора, профконсультации, нуждается в очень серьезном методологическом изучении, и быть может тогда мы сможем принести большую пользу промышленности. И если сейчас мы можем констатировать практически, что из ста человек, которых мы отбираем в фабзавуч,—семьдесят мы отбираем правильно, а тридцать—неправильно, то это есть тот недостаток, который мы должны восполнить с помощью психологии, которая должна притти нам

на помощь. Мы должны на пути к новым задачам не забывать того, что есть действительно ряд вопросов, в которых нам не часто хватает непосредственных методов констатирования. Мы должны от этого констатирования перейти к об'яснительной работе, к указанию на те причины, которые могут об'яснить наши дефекты и т. д. Я думаю, что всякий практический работник в области психологии здесь мог бы получить непосредственное указание о том, как подходить к разрешению проблем. Тов. Сапир говорил относительно того, что в докладе т. Шпильрейна нет указания относительно исследования целостной личности и т. д. Это верно. Мы должны перейти к такого рода исследованиям, но перейти, не ставя их самоцелью. Мне кажется, это схоластический подход к делу. Нельзя так представлять себе вопрос, что какая-нибудь наука в наше время кипучего хозяйственного и экономического роста может ставить себе только методологические задачи как самоцель. Ни в коем случае. По пути разрешения ряда жизненных вопросов мы можем говорить об уточнении наших методов, можем говорить о том, что нам в данном случае не под силу многие из тех скрытых для нас механизмов, которые складывались в организме миллионы лет. Подобно тому как врач не останавливается вследствие того, что он не знает причинности в соматической стороне организма, так же и мы, имея более или менее сложный вопрос, должны прежде всего обратить внимание на то, что мы сейчас можем сделать, имея в виду вместе с тем по пути работы учитывать наше непосредственное исследование.

Я бы хотел в конце обратить ваше внимание, товарищи, на то, что если бы психологи с самого начала пришли к нам на помощь в этом вопросе, то конечно мы прежде всего уяснили бы ряд вопросов и общепсихологических, т. е. мы дифференциально-психологические проблемы разрешали бы в практическом порядке, так как по мере их возникновения и решения у нас возникает целый ряд вопросов общепсихологического порядка.

Здесь, товарищи, неправ был т. Рудик, говоривший о том, что докладчик, разделяя понятия одаренности и подготовки, тем самым признает, что одаренность и подготовка—это разные вещи, т. е. считает одаренность биологическим явлением.

Я считаю, что так подходить к вопросу нельзя. Но, учитывая подготовку, мы только создаем плюс или минус для различных суб'ектов. Для одного эта подготовка являлась тормозящим фактом, для другого—стимулирующим, и таким образом для нас

неясно, какова же была бы действительно данная функция, если бы мы имели прочие равные данные, равную подготовку и т. д.

Одним словом, мне кажется, что мы должны в докладе приветствовать постановку вопроса о несколько новой связи нашей работы с запросами экономических потребностей. Вне этого, мне кажется, сейчас нельзя ставить ни одного вопроса.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО И. Н. ШПИЛЬРЕЙНА

На все вопросы, конечно, я сегодня ответить не смогу. Полагаю, что мне необходимо будет целый ряд затронутых тем осветить более детально в другой раз. Сейчас я попробую только ответить на основные недоумения некоторых выступавших товарищей.

Недоразумение первое, которое сквозило у некоторых товарищей — у Рудика, у Колодной и, кажется, Бурдянского, — это недоразумение заключалось в том, что я якобы, говоря о социальном заказе, который психология получает от психотехники, предполагаю тем самым, что психология освобождает психотехнику от всякой теоретической, исследовательской работы. Это неверно. Социальный заказ мы психологии даем, но вместе с тем у нас есть целый ряд собственных методологических и исследовательских проблем, которые я подробнее развил в моих тезисах.

Второй вопрос: т. Рудик понял так, что я говорю об отличиях нашего производства периода реконструкции от буржуазного, которые заключаются только в том, что у нас якобы большая интенсивность труда и условия труда лучше.

Товарищи, так карикатурно понять меня можно было только в том случае, если было желание не понять. Говоря об особенностях реконструктивного периода, я указал на то, что рабочий одновременно и производитель ценностей — трудящийся и организатор-руководитель социалистического строительства. Из этого простого положения я постарался вывести ряд следствий. Надо действительно было не желать понять, чтобы этого не понять.

Относительно интенсификации труда я имел в виду такие примеры интенсификации, как перевод ткачей с двух станков на четыре и так далее. Таких примеров я сколько угодно могу взять из производственной практики, но они вовсе не говорят о том, что у нас интенсификация труда идет или, тем более, должна итти дальше, чем в капиталистических странах. Об имеющихся в этом отношении искривлениях я не говорил.

Теперь — об одаренности. Тов. Рудик год тому назад, говоря об одаренности в психотехническом обществе, в своем заключительном слове подчеркнул мысль, что «вообще теория одаренности не нужна для общих практических целей, наоборот, она даже вредна»[1]. Сейчас же т. Рудик полагает, что ошибка моего доклада в том, что я не развиваю теории одаренности.

Последнее, что есть у т. Рудика в его выступлении и у некоторых других товарищей — Ковтуновой, Курманова и Белокопытовой,—это вопрос о Штерне. Честное слово, я никогда не интересовался Штерном столько, сколько интересуетесь им вы. И опять здесь я полагаю, что относительно Штерна я говорил с достаточной ясностью. Нам Штерн дал систему диференциальной психологии. Мы этой системой пользуемся, потому что без диференциальной психологии нам нельзя строить психотехники. Покуда перед психотехникой не стояла другая тема, другие задачи, до тех пор мы могли пользоваться основной системой, данной Штерном. Теперь эта схема оказывается недостаточной. Развивая в докладе этот вопрос, я указал, в каких частях она является непригодной, и говорил, что сейчас мы должны по таким-то и таким-то путям итти, чтобы построить марксистскую диференциальную психологию. Кажется ясно. Теперь вы требуете от меня, чтобы я прочел вам курс по марксистской диференциальной психологии от начала и до конца. Могу это я сделать? Нет, не могу. Если бы я мог это сделать, я бы сделал. А вы можете это сделать? Нет, не можете. В вашем же, товарищи — Белокопытова, Ковтунова, Курманов, Рудик, Сапир,— Институте экспериментальной психологии, о котором было много разговоров и будет еще больше разговоров, мне было предложено коллегией этого самого Института вести семинар диференциальной психологии, взявши за основу для этого семинара этот самый учебник Штерна—«Диференциальная психология». Значит, если этот самый Институт, в котором ученым секретарем является Сапир, в котором Ковтунова является зав. учебной частью, Белокопытова и Рудик — научными сотрудниками, а Курманов аспирантом, если этот самый Институт стало быть считает «крайне необходимым» (там в протоколе коллегии так и записано), если он считает возможным и необходимым вести семинар на основании книги Штерна, то очевидно товарищи, которые считают себя наиболее призванными защищать в этом Институте марксистскую идеологию, считают эту книгу приемлемой для

[1] Журнал „Психотехника“ II, 1, 1929, с. 74.

того, чтобы по ней вести занятия. Когда у нас будет марксистская диференциальная психология, которую может быть напишет кто-нибудь из здесь выступавших товарищей, то тогда мы, конечно, книжку Штерна положим на полочку для исторических справок, а заниматься будем по этому учебнику марксистской диференциальной психологии.

Тов. Курманов обижается, что мы даем психологии заказ от имени психотехники, и хочет нам дать заказ, чтобы мы вместе с психологами работали по одному методу. Я считаю, что насчет тематики мы договоримся, а насчет «беллетристической психотехники» тут будет разговор другой. Вы вот в Психологическом институте теперь только начинаете понимать, что марксизм—не повторение цитат, а научный метод. Но, понявши это, вы, по однажды усвоенному уже вами методу цитатизма, начали бесконечно повторять эту самую цитату: «Марксизм не повторение цитат, а научный метод». «Действительность всегда конкретна» и т. д. Между тем психотехнику из нашего строительства никак не вычеркнешь. Психотехника благодаря нашей работе стала важным фактором нашего социалистического строительства. И поэтому, если заказ т. Курманова заключается в том, что он здесь формулировал, то очень жаль вас огорчить, т. Курманов, но не только я не смогу его выполнить, нам не разрешат бросить психотехнику и заняться тем, что вы нам предлагаете.

Тов. Сапир хочет, чтобы я ему указал путь дальнейшей работы и указал, «какова суб'ективная решимость руководящего работника в психотехнике». Какова наша «суб'ективная решимость» — посмотрим, когда начнется наш с'езд. Указать конкретные пути нашей работы? Мы укажем, т. Сапир, погодите, дайте срок.

Относительно сотрудничества говорили и т. Сапир и т. Гелерштейн. Конечно, сотрудничество очень хорошая вещь, но пока это остается только общим пожеланием. Мы, конечно, эти пожелания примем, но когда будем говорить о конкретной форме сотрудничества, тогда мы будем исходить из предпосылки, что сотрудничество может быть только таким, которое в наибольшей степени соответствует нуждам и потребностям социалистического строительства. Здесь т. Сапир не ответил на вопрос о том, чем же заменить математический функционализм, в котором он меня обвинял. Он обвинял меня в своей речи в том, что определение предрасположения я даю в терминах математического функционализма. Ему был с места задан вопрос: «Как же вы опреде-

ляете предрасположение, чем вы замените наше определение?»... Он сказал, что в конце своего выступления ответит, но не ответил. Вы видите, товарищи, что гораздо легче критиковать, чем дать что-нибудь положительное.

Мне вспоминается четверостишие, которое любил повторять мой учитель тенниса лет 15 тому назад:

Kolberg liegt an dem Ostseestrand.
Am Niederrhein liegt Wesel.
Zum Bessermachen gehört Verstand.
Kritisieren kann jeder.

(Возгласы: «Esel». Смех.).

Это относится к целому ряду товарищей, которые указывали, что до сих пор у нас тот или иной элемент нашего исследования еще не доработан, еще не доведен до конца. Верно, товарищи, недоработано многое. Укажите направление, по которому можно строить нашу марксистскую психологию, укажите пути, и мы за это будем вам благодарны. А если вы повторяете, что мы еще недостроили, вы повторяете общеизвестные вещи, которые я указал в развернутом виде в десятом тезисе.

Присоединяюсь вполне к т. Нецкому, что дела наши говорят все-таки за нас, т. е. не за то, что в психотехнике все идеально (могло бы быть лучше), но за то, что все-таки кое-что уже сделано и в армии, и на транспорте, и в промышленности, и в школе. А теперь мы ждем дела и от тех товарищей, которые себя отгораживают от этой прикладной практической работы, называя себя психологами, ждем от них дел, и тогда я думаю легче будет увязаться не на словах, а на деле.

Несколько слов относительно той работы на «Каучуке», о которой мне говорили товарищи из Психологического института и в отношении которой мы только ждем, как она оформится. Да, товарищи, я был действительно против этой работы. В поданной вам докладной записке я указывал, что работа, к которой вы приступаете, даст гораздо меньшие результаты, чем те, которых можно было бы от нее требовать, потому что вместо того, чтобы подходить к этой работе диференциально-психологическим методом,—а «определение или изучение личности коренного московского пролетария», как вы называете рабочих «Каучука» в отличие от не-коренных, не-московских, не-пролетариев, это диференциально-психологический вопрос,—вместо этого вы пустились с «курсом в неизвестное», как говаривал т. Гастев. Вы не подсчитали ни своих сил, т. е. людей и времени, которыми вы располагаете, ни об'ема работы, не знаете ни темы ра-

боты в точности (ведь кто из вас пробовал определить самое понятие личности или методы ее изучения?), ни того, какие именно признаки могут быть у пролетария другими, чем у непролетария, ни проблемы, на которые вы хотите получить ответ, ни сроков отдельных участков работы или всей работы, а формулируете просто: вот мы, мол, хотим обследовать этого пролетария на «Каучуке». Так работать нельзя. Мы, психотехники, так работать не умеем. Да ведь вы, товарищи, уже больше полгода говорите умные вещи о якобы ведущейся работе на «Каучуке», расхвалили ее до небес, а между тем—не были еще на производстве, не взглянули за полгода на тех пролетариев, которых собрались изучать: какие они—коренные или нет, московские или нет? Так можно работать, когда мы не отвечаем ни за срок этой работы, ни за определенный ответ на нее. Это не плановая работа, это доплановая работа. Это—идеалистические разговоры о «хождении в народ». Вот почему я считаю, что тот приступ, который к этой работе был сделан,—неправильный приступ, и пока, действительно, результатов нам эта работа не дала. Какие-нибудь результаты работа конечно может дать, но гораздо меньшие, чем дала бы при правильной постановке.

Затем несколько раз'яснений т. Рудику относительно дифференциальной психологии. Он утверждает, что те мои работы, которые касаются языка красноармейцев[1], перемены имен и фамилий[2], значимости чисел[3], не дифференциально-психологические работы. Отсюда следует, что т. Рудик не имеет ясного представления о том, что такое дифференциальная психология. Если мы сравниваем несколько групп красноармейцев по происхождению, по родам оружия, по продолжительности пребывания в армии, по годам рождения и устанавливаем, как в зависимости от этих особенностей изменяются у них те или другие признаки, в данном случае структура речи, количество слов и состояние словаря и т. д.,—что же это такое? Это именно дифференциально-психологическая работа, потому что мы устанавливаем, как отражаются социальные различия на психологических различиях между людьми. Не понимать этого—значит не понимать, в чем

[1] И. Н. Шпильрейн, Д. И. Рейтынбарг, Г. И. Нецкий, Язык красноармейца, Гиз, М. 1928.

[2] И. Н. Шпильрейн, О перемене имен и фамилий, „Психотехника" II. 4, 1929.

[3] И. Н. Шпильрейн, Новый метод психологического анализа элементарных процессов счета, „Вопросы психофизиологии, рефлексологии и гигиены труда", сборник II, 1924.

заключается диференциальная психология. Перемена имен и фамилий: если мы сравниваем,—а в этой работе именно и было сравнение,—если мы устанавливаем, как изменились, или как изменяются, какова динамика изменения эстетических вкусов в этом отношении, именно в отношении фамилий—нынче по сравнению с прошлым, то это есть работа диференциального порядка. То же самое о других работах, упоминавшихся т. Рудиком. Давайте договоримся, что под диференциальной психологией мы будем понимать ту отрасль психологии, которая устанавливает различия между психологией различных социальных, национальных, возрастных, половых, конституциональных групп, и тогда мы будем свободны от возражений, подобных вышеизложенному.

Несколько замечаний т. Бурдянскому—относительно интенсивности труда. Тов. Бурдянский полагает, что у нас нет интенсификации; я с этим не согласен. (Бурдянский: «Большей, чем при капитализме, нет».). У нас есть случаи, где рабочие работают болеее интенсивно и более быстро, нежели работали рабочие в соответствующих отраслях промышленности до войны, до революции. Труд на социалистической фабрике, с одной стороны, продолжается меньшее количество часов, чем на фабрике капиталистической, проходит в лучших внешних условиях, роль рабочего при нем расширяется до участия в руководстве производством; но с другой стороны—этот труд более интенсивен: мы трудимся на себя, поэтому мы работаем напряженнее. Недаром мы различаем между социалистическими и рабскими темпами, но напряженный труд, конечно, не должен быть трудом непосильным. Конечно, бывают у нас и извращения, бывают случаи безобразной интенсификации. Я приводил уже пример из ткацкой промышленности; как пример извращения в области интенсификации, можно привести то, что было на Московской телефонной станции; можно привести ряд других примеров.

Относительно вашего примера о «внеклассовых выдвиженцах» в Харькове вы совершенно правы.

Что можно и может быть нужно было говорить сегодня не только о роли психотехники в труде, но и в производстве, и в управлении,—также правильно, об этом спорить не буду.

Теперь об агитации и пропаганде. Я не говорил, что агитационные задачи сейчас менее важны, но уже ввиду того, что лозунги наши не являются лозунгами, быстро сменяющимися, а являются задачами, спланированными на много лет (потому что наше социалистическое строительство теперь перешло уже

на плановое строительство), ввиду того, что мы знаем, к какому минимуму хозяйственных требований мы подойдем через год, два, три года, мы соответствующим образом можем готовить большие слои трудящихся к их задачам в этом строительстве. И работа среди крестьян, о которой здесь говорили т. Бурдянский и т. Сапир, также является работой пропагандистской, является длительной подготовкой, длительной организацией крестьян для соответствующей перестройки их хозяйства.

Профориентацию я обошел не случайно, а «в плановом порядке», поскольку я считаю, что сейчас задача профориентации поглощается более важной задачей подготовки кадров.

Вот собственно самое важное, на что мне хотелось ответить.

Теперь в заключение два слова. Во-первых, я хотел бы, если не будет других мнений, считать, что этот доклад можно взять за основу того доклада, с которым я выступлю на «поведенческом» с'езде, учтя конечно все, что было здесь сказано. Во-вторых, мне представляется, что надо, чтобы этот доклад у нас был началом ряда докладов, развивающих основные мысли, высказанные мною здесь, которые сделаю, надеюсь, не я один, а также и другие товарищи-психотехники.

Хотя психотехника несомненно стоит в ряду психологических дисциплин, но она не чисто психологическая дисциплина. Как всякий работник социальных дисциплин, психотехник должен связаться с экономистами, с хозяйственниками, а с другой стороны, с психологами, с физиологами. Наши взаимоотношения с психологами только тогда перестанут быть проблемами, когда все психологи наконец поймут, что задача и ценность их работы не в том, что они повторяют чью-нибудь цитату с большей или меньшей интенсивностью и большее или меньшее количество раз, а в том, чтобы они научились понимать смысл цитат и лозунгов, которые они повторяют, и применять их к той основной работе, которая для нас всех заключается в нашем социалистическом строительстве.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3
Психотехника в реконструктивный период
(Тезисы доклада И. Н. Шпильрейна) 7
Психотехника в реконструктивный период
Доклад И. Н. Шпильрейна 2 декабря 1929 г. 14
Прения по докладу И. Н. Шпильрейна
Выступление В. Д. Котлярова 46
„ П. А. Рудика 47
„ Ф. А. Ковтуновой 55
„ Н. Ф. Курманова 56
„ С. Г. Геллерштейна 62
„ И. Д. Сапира 66
„ М. Л. Рудакова 72
„ Г. И. Нецкого 75
„ А. И. Колодной 77
„ И. М. Бурдянского 78
„ Я. М. Шатуновского 83
„ Когана 85
Заключительное слово И. Н. Шпильрейна 89

Замеченные опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует
72	2 снизу	М. Л.	М. П.
75	20 сверху	технического	логического
84	18 снизу	Недаром	недаром
94	13 и 14 снизу — фразу „Я приводил уже пример из ткацкой промышленности;“ надо читать выше в 18 строке снизу после слова „напряженнее.“		
96	2 снизу	Когана	В. М. Когана
96	В содержании пропущено над 11 строкой снизу — выступление М. Н. Белокопытовой стр. 54.		